

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОДЕРЖИМОСТЬ КОРОЛЯ

МАФИИ

ЕКАТЕРИНА ОРЛОВА

Екатерина Орлова

Одержимость короля мафии

<https://litres.ru/74023143>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Ты принадлежишь мне, - заявил тот, кого я считала мертвым. Тот, кто добровольно ушел из моей жизни, а теперь считает, что вправе запереть меня в своем средневековом замке и требовать то, на что не имеет права.

- Раньше, - исправляю его. - Раньше я принадлежала тебе. А теперь я замужняя женщина, к которой ты не имеешь права прикасаться. У тебя был шанс быть со мной, но ты выбрал исчезнуть. Ты пришел слишком поздно.

Сволочь!

Ненавижу!

Сначала бросил меня, а теперь считает, что может просто прийти и забрать меня у мужа!

Где он был, когда я, умываясь слезами, шла к алтарю?!

Когда всю церемонию сжимала цветы так, что шипы от роз впивались в пальцы до крови, и постоянно выискивала его глазами?

Надеялась. Ждала, что он придет и спасет меня от этой участи.

Но он не пришел. И я поклялась ненавидеть его всю оставшуюся жизнь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	63
Глава 10	70
Глава 11	77
Глава 12	85
Глава 13	90
Глава 14	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Екатерина Орлова

Одержимость короля мафии

Пролог

Вздрагиваю, когда слышу шаги за дверью.

Вскочив на ноги, бросаюсь к выходу. Врезаюсь в деревянное полотно и начинаю лупить по нему ладонями.

- Открой немедленно! - кричу, срывая голос.

Меня аж трясет всю. Не от страха, совсем нет, Мирон ничего мне не сделает. Плохого точно нет. Хотя кто знает, как он изменился за эти пять лет?

Сволочь!

Ненавижу!

Сначала бросил меня, а теперь считает, что может просто прийти и забрать меня у мужа!

Где он был, когда я, умываясь слезами, шла к алтарю?!

Когда всю церемонию сжимала цветы так, что шипы от роз впивались в пальцы до крови, и постоянно выискивала его глазами?

Надеялась. Ждала, что он придет и спасет меня от этой участи.

Но он не пришел. И я поклялась ненавидеть его всю оставшуюся жизнь.

Я выбросила его из головы. Сделала вид, что Мирона никогда не было. Смирилась, научилась жить с мужем.

А теперь он явился и заявляет свои права на меня.

- Выпусти меня! - кричу, снова и снова долбя в дверь.

Замолкаю и прислушиваюсь. Тишина. Шагов больше не слышно.

Но я знаю, что он где-то там, в своем мрачном замке. Слышит мою истерику и наслаждается ей. Напитывается моими эмоциями, словно долбаный вампир.

Ненавижу!

Псих! Вот кем он стал!

И как все провернул. Ловко и так быстро, что никто даже не заподозрил, что у этого чудовища настолько далекоидущие планы.

А мой муж? Идиот. Клянусь, просто идиот. Ненавижу и его! Так легко повестись на провокации Мирона. Вытащить нас в этот гребаный замок. Хоть бы проверил, кто такой его новый деловой партнер. Хоть бы с отцом моим посоветовался. Тот бы быстро вычислил, кто такой Мирон Князев. Он ведь знает его, сам нанимал. Он бы уберег Романа от необдуманного поступка.

И что теперь? К чему это привело?

Я сижу в роскошной комнате старого средневекового замка. Заперта на сто замков, без возможности выйти отсюда

или даже позвать на помощь. Позвать-то я могу, но толку? Никто не придет. Никто не освободит меня. Потому что с этим чудовищем никто не захочет связываться. Тем более, мой муж.

Развернувшись, иду к большому окну, сквозь которое в комнату проникает лунный свет. Голубоватый и настолько яркий, что кажется, будто луна вот-вот распахнет створки и войдет прямо в комнату.

Я могла бы разбить окно и попробовать выбраться на улицу. Но какой в этом толк? Вся территория вокруг замка надежно охраняется громилами Мирона. Если я не сверну себе шею, спускаясь по стене, меня все равно схватят внизу и передадут ему.

Упершись ладонями в холодный каменный подоконник, изучаю происходящее на улице. Там все спокойно, как будто здесь, в этой комнате, не рушится чья-то жизнь.

Снова шаги. Резко разворачиваюсь и мечусь взглядом по комнате в поисках какого-нибудь оружия. Это он идет, я чувствую. Знаю, что он.

Схватив вазу, подбегаю к двери и встаю за ней в ожидании, пока Мирон зайдет.

Щелчок замка заставляет меня вздрогнуть. Нервы натягиваются до предела, а сердце подскакивает к горлу.

Дверь распахивается и... тишина. А потом из-за нее резко появляется Мирон и выбивает вазу из моих рук. Она с грохотом летит на пол и разбивается на тысячи осколков. Ми-

рон хватает меня за горло и впечатывает спиной в каменную стену. На его лице появляется звериный оскал, и он прошивает меня взглядом до самых косточек.

- Решила со мной повоевать, пчелка? Давай повоюем, - предлагает он своим низким, бархатным голосом, от которого по всему телу пробегают мурашки.

Глава 1

Три дня назад

Ненавижу свой день рождения. Мама не забывает напоминать, что старость близко, хотя сегодня мне исполнилось только двадцать четыре. Она считает, что индустрия красоты уже должна зарабатывать на мне миллионы и настойчиво тычет мне визитку своего косметолога.

Папа начинает почему-то вспоминать мое детство и юношество, невольно возвращая меня в тот день, который я изо всех сил пытаюсь забыть.

А муж...

Его я просто не люблю и думаю, он об этом знает. Только в мой день рождения становится еще более навязчивым, чем обычно.

- Где наша именинница? - раздается от двери голос, а я едва удерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Натягиваю привычную улыбку, которая за пять лет уже буквально выросла в мою сущность, и через отражение в зеркале смотрю на входящего в мою спальню мужа. - Моя дорогая, какой прекрасный день! - восклицает он.

Рома заносит огромный букет красных роз. Мне приходится развернуться на своем кресле у туалетного столика и принять этот веник с самой искренней улыбкой, на какую я только способна.

- О, тяжелый, - произношу и тут же возвращаю Роману букет. Он ставит его на пол. Позже прислуга поставит его в одну из огромных ваз, которые накупил мой муж, чтобы удивлять меня этими гигантскими букетами. - Спасибо.

- Это не все, моя дорогая, - продолжает он и протягивает мне темно-синюю бархатную коробочку с логотипом мирового ювелирного бренда. - Для самой красивой женщины.

- Женщины? - переспрашиваю, чуть нахмурилась. - Еще вчера ты называл меня девушкой.

- Ну, конечно, женщины. Ты же замужняя, взрослая.

Я проглатываю идиотское объяснение и открываю коробочку. Ничего нового. Роскошное кольцо на миллион карат. Золото или платина, бриллианты. Наверняка тяжелое и жутко неудобное. Но именно такие Роман мне и дарит, думая, что мне это нравится. А я надеваю их по разу и прячу в своей банковской ячейке или в сейфе дома. Каждый день я ношу только одну цепочку с маленькой подвеской и серьги. И обручальное кольцо, само собой. Даже помолвочное не ношу, потому что оно пафосное, как и мой муж. Ненавижу вычурные украшения!

- Нравится? - Роман подает голос, а я снова натягиваю улыбку.

- Очень.

- Тогда не молчи, - привычным голосом наставника добавляет муж. - Мне приятно услышать, что я угадал с подарком. Не угадал. Как всегда.

- Угадал, конечно, - вру я. Какой смысл пытаться до него донести истину? Я пробовала в первый год нашего брака. Роман все равно все делал по-своему.

- Что ж, тогда не стану отвлекать тебя. Напоминаю, у нас обед с твоими родителями, а вечером небольшой прием. Настоящее празднование будет послезавтра.

- В каком смысле? - хмурюсь я. - А сегодня ненастоящее?

- У меня для тебя есть сюрприз.

- Рома, ты знаешь, что я их не люблю.

- Этот тебе точно понравится, моя дорогая. С днем рождения, - добавляет он и наконец выходит из моей комнаты.

- Придурок, - бормочу, бросая коробку с колье на туалетный столик.

Несколько секунд перевариваю визит мужа. Хорошо хоть он не рвется утопить меня в своей так называемой любви.

Привожу себя в порядок, после чего устраиваюсь за туалетным столиком наносить макияж.

В дверь негромко, деликатно стучат, и после моего короткого "войди" в спальне появляется горничная, Алина.

- Доброе утро, Иванна Павловна, - произносит она с улыбкой, ставя на столик у окна поднос с моим поздним завтраком. Пиала с нарезанной дыней, маленькая чашка черного кофе и стакан воды. - С днем рождения.

- Спасибо, - улыбаюсь.

Алина чуть ли не единственный человек в доме, к которому я отношусь нормально. По крайней мере, она всегда

говорит искренне и не лебезит передо мной, пытаюсь урвать премию побольше.

- Это еще не все. Там доставка для вас. Принести сюда?

- Цветы? Оставь в гостиной. И этот букет забери, пожалуйста, - киваю на веник от мужа.

- Там необычный букет. Такой красивый. Давайте я вам просто покажу, а если скажете оставить в гостиной, так и сделаю.

- Ну покажи, - усмехаюсь и, поправив шелковый халат, пересаживаюсь за столик для завтрака.

Пока Алина уносит огромный букет Романа и несет тот необычный, я пью свой кофе, ем дыню и люблюсь нашим огромным садом. Все здесь продумано мной. Роману некогда заниматься такими мелочами, а мне, трофейной жене, что еще делать, как не обустраивать наш огромный дом и территорию вокруг него?

Вдалеке на вертолетной площадке стоят два вертолета моего мужа, сверкая начищенными до блеска боками. Рома любит, чтобы все было безупречно. Дом, жена, вертолеты, машины, яхта. Все идеальное. Все, как говорят, с верхней полки.

Тошнит от всего этого. Не от богатства, к нему я привыкла, сама не из бедной семьи. А от того, что вся наша жизнь - это витрина. В ней нет ни грамма искренности. Ни капли настоящих отношений. Все напоказ. Все через объектив фотокамеры. Даже на долбаный завтрак надо спускаться в та-

ком виде, будто в столовой меня будут ждать журналисты. Поэтому я завтракаю в своей комнате. Ненавижу выходить к столу при полном параде. По крайней мере, до первой чашки кофе.

- Вот! - в комнате снова появляется Алина.

Я делаю глоток воды и оборачиваюсь. Вижу в ее руках коробку с орхидеями, и чувствую, как вода застревает в горле.

Пытаюсь хватать воздух, но только открываю и закрываю рот, не в состоянии насытиться кислородом.

Алина быстро ставит букет на банкетку в изножье кровати и подбегает ко мне.

- Поперхнулись? Давайте я... Простите... - Она легонько хлопает меня по спине, а я прокашливаюсь и показываю ей, что уже в порядке. - Все?

Киваю, и она шумно выдыхает.

- Спасибо, - сиплю и вытираю салфеткой выступившие слезы. Кошусь на букет. - От кого он?

- Не знаю. Только что привез курьер, сказал для Иванны Никитиной.

- Оставь меня.

- Э-э-э... ладно. Конечно. Там в цветах еще коробочка.

- Оставь меня, Алина, - повторяю просьбу тверже.

Она молча разворачивается и выбегает из комнаты, закрыв за собой дверь. Я пялюсь на букет. С этого ракурса вижу только верхушки орхидей, но мне и этого достаточно.

Сердце заходится, когда я встаю и на негнущихся ногах,

шурша подолом длинного халата, иду к банкетке.

Орхидеи...

Эти цветы мне дарил только он.

Я искренне надеюсь, что это какое-то чертово совпадение, и кто-то узнал, что я люблю их. Или просто попал пальцем в небо. Потому что если нет...

Чувствую, как внутри зреет истерика, и я бросаюсь к цветам. Откидываю в сторону бархатную коробочку и роюсь в цветах в поисках карточки, но ее, черт подери, нет!

Взгляд падает на коробочку. Аккуратно беру ее. Нажимаю на крохотную кнопку. Крышка щелкает, и я поднимаю ее. Удерживая коробочку одной рукой, второй накрываю рот и в ужасе пялюсь на содержимое.

Глава 2

На черном ложементе брошь. Маленькая. Золотая. Усыпанная желтыми и черными бриллиантами. Не вычурная вещица, но со вкусом и очень дорогая.

Пчелка...

Внутренности переворачиваются, а потом их стягивает таким узлом, что становится тяжело дышать.

Мне кажется, грохот крови в ушах заглушает все остальные звуки. Как будто в одно мгновение дом превратился в какой-то склеп, в который даже не заглядывают люди.

Я смотрю на эту брошь, не моргая. Челюсти крепко сжаты практически до хруста зубов. Дышу часто и поверхностно, фактически находясь на грани обморока, а пальцы сжимают коробочку до побеления костяшек.

Не может быть...

Он не мог.

Он исчез. Умер. Я точно знаю, что умер! Отец сказал. Предлагал даже посмотреть фотографии его трупа.

Я ненавидела его пять лет. За то, что ушел. За то, что умер и заставил меня умереть вместе с ним. Ту девочку, - пчелку, - я похоронила сразу после новости о его смерти. И поклялась себе ненавидеть его до конца моих дней.

Откуда тогда эта брошь? Кто прислал мне ее? Кто отважился?

Я ведь узнаю, кто. И если это какая-то манипуляция, клянусь, этот человек будет прощаться со своей жизнью долго и мучительно.

- Иванна? - слышу от двери голос мужа. Резко захлопываю коробочку и стреляю взглядом в стоящего в дверях Романа.

- Я просила не входить ко мне без стука, - цежу дрожащим от напряжения голосом.

- А я много раз говорил тебе, что это чушь. Мы муж и жена, и я имею право входить в твою спальню, когда захочу.

- Про личные границы слышал? Спроси у своего психотерапевта, - выплевываю, словно проклятие.

- У меня нет психотерапевта.

- Может, пора обзавестись?

- Что такое? Ты была в нормальном настроении. Выпила уже, что ли?

Я снова сжимаю челюсти, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не послать своего мужа.

- Зачем ты пришел?

- От кого цветы?

- Не знаю, без карточки.

- Мои, смотрю, ты отправила в гостиную, а эти принесла в спальню.

- Ревнуешь? - усмехаюсь, даже не скрывая своего злорадства. - Твой букет пахнет слишком интенсивно, от него будет голова болеть.

- А этот?

- Ром, зачем ты пришел?

- Напомнить тебе, что через час мы выезжаем.

- Я помню. Это все?

- Все, - после некоторой паузы отвечает он.

Я молча жду, пока он уйдет. Роман еще раз окидывает взглядом мою спальню и наконец выходит, а я оседаю на банкетку с тяжелым вздохом. Еще раз открываю коробочку и глазею на пчелку. Изо всех сил сдерживаю внутреннюю истерику.

Не буду плакать из-за него! Больше никогда!

Захлопнув крышку, прячу коробочку в самый дальний угол своего туалетного столика, в ящик с украшениями. Потом сажусь наносить макияж. Как бы ни старалась держать себя в руках, они дрожат, и мне приходится краситься с особой тщательностью.

Ничто не выбивает меня из колеи уже давно. Я умею прятать чувства, не показывать их даже себе. Но это... слишком неожиданно. Как будто поцелуй из прошлого. В самое сердце, которое уже давно очерствело и закрылось для любых чувств.

Одеваюсь, критически оглядывая себя в зеркале в полный рост. Ищу недостатки и изъяны или, проще говоря, пытаюсь посмотреть на себя глазами моей матери. Той точно найдется, что сказать по поводу моего внешнего вида, как бы я ни вылизывала себя все утро.

Мне не удастся скрыть какой-то безумный блеск в глазах.

И испуг. Да, мне страшно, потому что я ни черта не понимаю, что происходит! И не знаю, у кого спросить. Курьер принес цветы и свалил. А мне теперь гадай, от кого они. Может, разыскать курьера и выяснить? Нет, глупости какие. Не стану я этого делать.

На обед мы приезжаем в элитный загородный клуб, из которого моя мать почти не вылезает. Я бы сейчас с большим удовольствием поиграла в теннис или поплавала в бассейне, чем смотреть на натянутую улыбку родившей меня женщины. После последней пластической операции я вообще удивляюсь, как у нее открывается рот.

- Моя малышка, - елеинным голосом тянет она так, чтобы слышали окружающие и думали, будто в нашей семье тишь да благодать.

Я принимаю поздравления от родителей как полагается - с улыбкой и видом, будто безмерно счастлива, что они портят своим присутствием мой очередной день рождения.

А я ведь просила Рому уехать на это время куда-нибудь на острова. Даже подумала, если согласится, можно с мужем и сексом заняться. И, возможно, попробовать как-то найти общий язык. Но он наотрез отказался.

- Я же не скажу твоему отцу, что мы решили прокатить их в такой праздник. Не забывай, это не только твой день, но и день твоих родителей. В этот день родилась их единственная дочь, - ответил он мне тогда.

А мне хотелось выть и крушить все вокруг. Потому что

это мой гребаный день! И я хочу хотя бы раз в своей гребаной жизни провести его так, как хочется только мне!

Но я, конечно, не стала устраивать истерику. Иванна Никитина не истерит. Она скромно улыбается и отвечает что-нибудь в стиле: “Конечно, ты прав, дорогой”. Хоть мысленно разбивает голову дорогого чем-нибудь тяжелым.

За обедом я внимательно наблюдаю за отцом. Мама, конечно, сто раз перетягивает все внимание на себя. Рассказывает, как она мучилась и страдала, рожая меня. Какими ужасными были схватки, и как ей потом приходилось делать лазерную шлифовку, чтобы убрать растяжки на животе.

В мой день рождения у нас всегда мама именинница. Я вообще не понимаю, зачем им тут я. Все равно все дарят подарки и маме, потому что она же рожала в муках, а все, что сделала я в этот день, - соизволила появиться на свет. Сущий пустяк. Так что я даже не пытаюсь бороться за всеобщее внимание. Пусть свет всех софитов остается направлен на нее, а я буду потихоньку пить свое шампанское, улыбаться и кивать, где нужно.

Просто пережить этот день, и все. Большого от меня не требуется.

Но за папой я все еще наблюдаю. Пытаюсь заметить хоть малейшие изменения в его поведении, но... ничего. Он расслаблен, как обычно. Смеется и шутит. Когда мама начинает погружаться в воспоминания, отец рассматривает задницы окружающих нас женщин или проверяет биржевые сводки в

телефоне. Для него мамина речь всегда как фоновый шум. Он даже не вникает в суть.

- Пап? - зову его, когда мама пускается в очередное путешествие по лабиринтам памяти. Он поднимает взгляд от своего телефона. - Как у тебя дела? Как бизнес?

Его бровь вопросительно изгибается.

- Почему ты спрашиваешь?

- Ты просто постоянно смотришь в телефон. Я подумала, что, возможно, какие-то проблемы.

- Нет, все нормально. Как обычно.

Я киваю, и тут мама снова дергает меня.

- Иванна, ты не слушаешь.

- Прости, мам, я... мне нужно припудрить носик.

Встав, беру свой клатч и ухожу в сторону уборных. По пути здороваюсь со знакомыми, принимаю поздравления от некоторых из них. Дохожу до коридора с уборными, когда меня окликает сотрудница клуба.

- Иванна Павловна, вам передали, - она вручает мне бархатную коробочку, и сердце пропускает удар. Я впииваюсь взглядом в девушку.

- Кто передал? - спрашиваю подрагивающим голосом.

- Не знаю, - она пожимает плечами. - Полчаса назад курьер привез и попросил передать вам лично в руки без свидетелей. Я ждала, пока вы встанете из-за стола.

После моего кивка она уходит, а я быстро захожу в уборную и закрываюсь. Приваливаюсь спиной к двери и дрожа-

щими пальцами открываю коробочку. Дыхание застревает в горле, когда я вижу на черном ложементе подвеску.

В виде чертовой пчелки!

Глава 3

Обед я досиживаю, словно в какой-то прострации. К счастью, мама никому не уступает пальму первенства за столом. Методично накидываясь своим любимым шампанским, она продолжает разглагольствовать на тему, как тяжело было рожать, а потом и воспитывать меня.

По словам мамы, я росла крайне трудным ребенком, за которым нужен был глаз да глаз.

А я помню другое детство. Маму, которой всегда было не до меня. Отца, который едва ли помнил о моем существовании. И их постоянных скандалах. Он кричал и, хлопая дверью, уезжал к любовницам, а она глотала слезы с привкусом виски и запиралась в своей комнате.

Я была трудным ребенком? Да я сидела в своей комнате и боялась из нее выйти, чтобы не нарваться на очередной скандал родителей. Читала книги и мечтала поскорее вырасти, чтобы свалить из этого дурдома.

Все изменилось в тот день, когда у отца появился новый охранник. Молодой, дерзкий, сильный, наглый. Мне тогда было восемнадцать, и я влюбилась, как кошка. В нем видела свое спасение. Считала, что он может защитить и забрать меня.

Тогда я еще не понимала, что он вовсе не водитель и не охранник, а папа не совсем честный бизнесмен. Это все мне

казалось второстепенным. Я была готова жить где угодно и как угодно, только бы вырваться из золотой клетки, в которой меня заперли и заварили дверцу, чтобы я не могла уйти.

А мама научилась манипулировать мной. Крутить, как цыган солнцем. Меня бесили ее перепады настроения и вечно исходящий от нее запах алкоголя. Но я не могла бросить ее. Не могла не реагировать на ее истерики, которые с каждым разом становились все громче и настойчивее.

Мне в юном возрасте приходилось выслушивать об отсутствии у них с отцом сексуальной жизни, о том, как он ее обижает, о том, что он чуть ли не всем обязан ей, потому что построил свою империю на деньгах моего деда по материнской линии.

И теперь эта женщина говорит, что я была трудным ребенком. В мой день рождения, да. Вот поэтому я люто ненавижу этот чертов праздник.

Вдруг меня прошивает догадкой.

Я каждый год получаю в этот день букеты от знакомых. И всегда среди них был один без открытки. Просто букет, который всегда оказывался самым изысканным и красивым. Его я и оставляла в своей спальне, а остальные отсылала расставить по дому. Меня даже в жар бросает от этой догадки.

Но ведь это всегда были какие угодно цветы, но точно не орхидеи. И подарков к ним не прилагалось. Что изменилось в этом году? Почему я получила чертовы орхидеи и эти украшения, которые уже люто ненавижу?!

- Думаю, нам пора, - слышу заветную фразу от моего мужа. - Нужно освежиться перед приемом.

- Нам тоже не помешало бы, - говорит папа, кивая официанту, что мы уходим. Никаких счетов никто оплачивать не будет, стоимость обеда просто снимут с депозитного счета отца в этом клубе. - Люда, подъем, - чуть грубовато говорит он.

- Ох, - вздыхает мама, поднимаясь, пока мой муж отодвигает для нее стул. - Иванна, только не надевай платье какого-нибудь скучного цвета, - кривится она. - Ты должна достойно представлять семью Авдеевых.

- Мама, я уже пять лет как Никитина, - напоминаю ей, а Рома берет меня за руку и слегка сжимает ее, видимо, намекая, чтобы я помалкивала.

Я по привычке затыкаюсь, хотя все внутри меня протестует такому поведению. Но не стану же я, в конце концов, закатывать истерику прямо в элитном клубе. Да и после него я буду молчать. Потому что нет никаких шансов что-то доказать матери-алкоголичке, сколько бы денег ни было у семьи.

Я просто хочу поскорее выйти отсюда, оказаться дома в собственной спальне и попытаться понять, что ЕМУ надо. Зачем, черт подери, он вернулся? И чем эта история закончится лично для меня?

- Устала? - спрашивает Рома, когда мы садимся в машину.

Я бросаю на мужа удивленный взгляд. С каких это пор его волнует мое состояние? Кукла пока функционирует, а зна-

чит, не умерла. Соответственно, нет никаких причин думать, что наши планы каким-то образом меняются.

- Все нормально, - отвечаю. - Немного отдохну и буду готова к приему.

Он удовлетворяется этим ответом и тут же погружается в какую-то переписку на телефоне.

А я вся вибрирую. Сумочку прожигает маленькая корбочка, в которой лежит практически бомба замедленного действия. Осталось только дожидаться, пока она сдетонирует.

Мы едем через город, который медленно погружается в сумерки. Я знаю, что в нашем с Романом доме уже царит суета подготовки к вечеру. Организаторы праздника гоняют официантов и декораторов, зал для приемов украшают, расставляют там столы. Все будет так же, как и дважды в год на наши с мужем дни рождения. Куча гостей, которым нужно будет улыбаться, потому что "это нужные люди". Классическая музыка, которую я уже просто люто ненавижу.

Положив голову на подголовник - то, чего я никогда не делаю, чтобы не примять прическу, - смотрю в окно и едва сдерживаю улыбку, вспоминая, как ОН забрался ко мне в окно однажды ночью. Когда я пожаловалась ему, как ненавижу классическую музыку и свою долбаную виолончель, он пришел ко мне с огромными наушниками. Мы сели прямо на пол под окном в кромешной темноте. Он надел мне на голову наушники, и тогда я впервые услышала балладу Металлики. Потом он познакомил меня с другими рок-группами.

Были еще ночи. Я слушала рэп, инди-рок, поп-музыку и кучу разных направлений, открывая для себя музыку заново.

Внутри болезненно сжимается от этих воспоминаний, но в то же время там растекается приятное тепло, напоминая, что раньше мир был меньше и больше в то же самое время. Сейчас он как будто сузился, превратившись в небольшое кольцо, по которому я, будто пресловутая пони, бегаю по кругу изо дня в день.

Дома и правда суета, как я и предполагала.

Даже не глянув на людей, которые носятся по первому этажу, чтобы сделать мой праздник красивым, поднимаюсь наверх. Роман скрывается в своем кабинете. К счастью, потому что его я сейчас хочу видеть меньше всего. А чего мне действительно хочется, так это скинуть с себя одежду, принять ванну и лечь подремать. Из меня как будто все жизненные силы высосали. А ведь это еще даже прием не начался.

Войдя в спальню, я закрываю дверь и притормаживаю, глядя на свою ладонь на ручке. Поколебавшись пару секунд, щелкаю замком, запираясь в комнате. Бросаю на пол сумку. По дороге к большому зеркалу сбрасываю по очереди туфли, потом - одежду. Всю. Остаюсь голой. Следом летят украшения.

Встаю и смотрю на свое отражение. Кручусь из стороны в сторону, пытаюсь рассмотреть себя чужими глазами. Глазами того, кто не видел меня пять лет. Изменилась ли я? Если да, то сильно или совсем чуть-чуть? Интересно, а мой запах? Он

изменился?

Ему нравилось, как я пахну. Постоянно шумно втягивал аромат моих волос.

- Меня ведет от твоего запаха...

До сих пор в голове его голос, от которого я покрываюсь мурашками, а предательская грудь наливается тяжестью. Соски мгновенно сжимаются в камешки.

Не знаю, что мной движет, но я возвращаюсь к двери, беру свою сумку и, выудив из коробочки подвеску, цепляю ее на шею. Цепочка с подвеской холодят мою кожу, которая кажется слишком горячей. Я снова у зеркала. Смотрю на себя. Теперь точно ЕГО глазами. И руки сами сжимают грудь до легкой боли. Из меня вырывается стон. Хочется закрыть глаза. Но я смотрю, не отрываясь на то, как одна ладонь ползет ниже, и пальцы проскальзывают между влажных губок.

Глаза закрываются, и я выгибаюсь дугой...

Глава 4

Прием как в тумане. Я держу дежурную улыбку, произношу слова, которые должна произносить. Маленькими глотками пью шампанское и вовремя съедаю пару закусок, чтобы не опьянеть. Я лавирую между гостями, стараясь держаться как можно дальше от матери.

А еще...

Под тканью платья с высокой горловиной кожу прожигает подвеска в виде пчелы. Не знаю, зачем я ее надела. Наверное, это был акт самобичевания за слабость, которую я позволила себе в спальне перед приемом. За то, что кончала, видя его лицо за закрытыми веками. За то, что чувства стали слишком странным коктейлем из ненависти, давно забытой любви, страха и ярости.

Сейчас, когда страсти немного улеглись, я бы с удовольствием сорвала с себя эту подвеску и вышвырнула ее в мусорку. Но почему-то продолжаю носить ее.

- Дорогая, у меня для тебя прекрасные новости, - рядом со мной появляется Роман и улыбается гостям, с которыми я перед этим говорила. - Позвольте ненадолго похитить мою жену. - Он с самой сладкой улыбкой берет меня за локоть и отводит в сторону. - Помнишь, я говорил тебе, что заключаю выгодный контракт?

- Это ты о том таинственном новом деловом партнере? -

я даже не пытаюсь изображать заинтересованность.

- Да, о нем. Так вот он приглашает нас к себе.

- К себе - это куда?

- В Европу. Он живет в Австрии. Приглашает отпраздновать твой день рождения и подписать контракт.

- Мы уже празднуем мой день рождения, - напоминаю мужу и обвожу рукой прием.

- Иванна, - раздраженно бросает Роман, - ты же понимаешь, о чем я говорю. Нормальное празднование. Охота, стрельба, катание на лошадях, которых ты так любишь. Кстати, у моего делового партнера не просто конюшня. Он выращивает лошадей для призовых скачек. То, чем ты всегда мечтала заниматься, помнишь?

Помню, конечно. Именно мой муж сказал, что женщине такое хобби не подходит.

- Рома... - начинаю я, но он перебивает:

- Обещаю узнать у него все подробности, чтобы устроить тебе такую же конюшню. Или вообще другую, но которая понравится тебе. Я даже договорюсь и выкуплю соседний с нашим домом участок, чтобы ты в любой момент могла пойти к лошадям. Ну? Как тебе идея?

Ненавижу!

У меня есть идея получше: развестись с этим уродом и купить себе чертову конюшню.

Но вместо того, чтобы показать свои истинные чувства, вспоминаю, что я дама из высшего света, а потому улыбаюсь

и киваю.

- Конечно. Давай поедем.

Роман расплывается в широкой улыбке, всем своим видом демонстрируя, что ни на секунду не сомневался, что я соглашусь. Ну и черт с ним. По крайней мере, у меня будет возможность покататься на лошадях и посмотреть на красивых скакунов. Да и побыть в красивом месте, пока мой муж обхаживает своего нового партнера.

- А как зовут... - начинаю вопрос, но мне не дают его закончить.

- Рома, я тебя повсюду ищу! - восклицает еще один его деловой партнер, Алексей Максимович Игнатьев. - У нас тут такая идея возникла. Пойдем. Простите, милая Иванна, ваш муж срочно нужен нам, чтобы заработать еще больше денег на ваши хотелки.

Подмигнув мне, он уводит Рому, а я со вздохом меняю пустой бокал на новый. Смотрю на то, как по тонкому стеклу поднимаются пузырьки, а потом делаю глоток.

Празднование затягивается почти до трех часов утра. Наконец последние гости расходятся, и мы с Романом, пожелав друг другу спокойной ночи, скрываемся в своих спальнях.

Я принимаю душ, смываю с себя макияж, а заодно и завистливые взгляды. Перед тем, как зайти за стеклянную стенку кабины, я сняла подвеску и положила ее на край раковины. Выйдя из-под воды, вытираюсь и, не спуская взгляда с пчелки, натираю тело кремом. После этого беру укра-

шение и подношу выше к лицу.

Сердце пускается в галоп. Я хочу ЕГО увидеть. И не хочу. Ненавижу. Точно уже не люблю, но внутри что-то переворачивается.

А еще боюсь, что все эти цветы и подарки - дело рук кого-то из его знакомых, кому он поручил поздравлять меня с днем рождения. А самого его нет в живых уже давно, как папа и говорил.

Возвращаю подвеску на шею и иду спать голой.

Беспокоит ли меня мое странное поведение? Нет. Я привыкла к тому, что отличаюсь от других людей. Но то, что я сама себя все сильнее погружаю в прошлое, - вот это беспокоит. То, что я никак не могу спрятать эту подвеску в шкапу и задвинуть ту подальше в шкафчик, чтобы больше никогда не доставать. Вместо этого я вешаю ее туда, где ошалело бьется сердце.

Мы приземляемся в частном аэропорту. Этот перелет я перенесла на удивление плохо, хотя обычно нормально летаю на любые расстояния. Но в этот раз у меня было ощущение, будто я вот-вот умру. Голова кружилась, перед глазами стояла пелена, а сердце колотилось, как бешеное.

Я ничего не сказала Роману. Не знаю, почему. Просто закрыла глаза и делала вид, что сплю, пока он тархтел клавиатурой своего ноутбука.

Зато когда мы спускаемся с трапа нашего частного само-

лета, то странное состояние как будто рукой снимает. Словно с порывом ветра в меня влетает жажда жизни. За эти несколько часов я делаю первый глоток свежего воздуха.

Перед самолетом стоит черный “Роллс-Ройс” с тонированными стеклами. Заднюю дверцу открывает водитель в белоснежных перчатках. Он приветственно кивает нам. За этой машиной стоят два огромных черных джипа. Перед тем, как сесть, я смотрю на джипы и спрашиваю водителя:

- А это... тоже за нами?

- Сопровождение, - с сильно выраженным акцентом отвечает он.

- Сопровождение? Зачем?

- Так распорядился хозяин. Прошу вас, - он указывает рукой на машину.

Бросив еще один взгляд на джипы, я проскальзываю на белую кожу сиденья, и дверь за мной тут же закрывается.

- Обязательно задавать вопросы? - раздраженно цедит Роман, который уже сидит рядом. - Выслал он сопровождение, ну и ладно. Беспокойтесь о нашей безопасности. Чего ты лезешь?

Я стреляю в него взглядом, но не успеваю ничего сказать, как водитель занимает свое место, и машина трогается. Мы выезжаем из частного аэропорта и едем в сторону гор. Я ожидала, что нас привезут в город, где у этого партнера Романа будет роскошный особняк. Но, судя по всему, от города мы будем далековато.

Внутри трепещет какое-то странное волнение. Ну не в первый же раз нас приглашают Ромины партнеры. Не впервые мы и в Австрии. И в Альпах были много раз. А почему-то все равно волнуюсь. Джипы еще эти.

Я поднимаю руку и через шелковую ткань блузки цвета шампань нащупываю подвеску.

Да, я так ее и не сняла. Чертова пчелка как будто приклеилась ко мне и теперь придает уверенности. Может, мне так только кажется, но я на физическом уровне ощущаю ее отсутствие. Три ночи с дня рождения спала голая с подвеской на шее.

Кажется, у меня уже едет крыша, и это не очень хороший знак. Хотя... говорят, самым сумасшедшим в своем мире нормально. Это окружающим плохо, а у больных все в порядке.

Когда машины выезжают на большое плато, перед нами открывается роскошный вид. Но я не успеваю насладиться им, как мы устремляемся к дороге, пролегающей между двумя рядами высоких деревьев.

Чем ближе мы к месту назначения, тем сильнее я волнуюсь. Даже ладони потеют, и я оставляю на блузке небольшое влажное пятнышко, продолжая сжимать подвеску.

Мы выезжаем к большому средневековому замку, и я буквально задыхаюсь от монументальности строения и поразительной красоты. Проезжаем через широкий проем, который, вероятно, когда-то служил воротами. На въезде нас

встречают несколько вооруженных людей. Они только бросают на машину взгляды и продолжают разговаривать между собой.

Мы проезжаем по каменной дороге, минуя большой фонтан, окруженный газоном, и останавливаемся перед входом в замок. Когда водитель открывает дверь, и я выхожу, не могу оторвать взгляд от каменного строения. Часть стены обросла плющом, огромные окна бликуют от падающих на них солнечных лучей. Тишина оглушает, а красота поражает.

- Добрый день, - из дома выходит невысокий мужчина в черном деловом костюме и до блеска начищенных туфлях. Он торопится к моему мужу и протягивает тому руку. - Роман Андреевич, с прибытием. Хозяин ждал вас, но приносит извинения. Он был вынужден отлучиться, и его не будет до вечера. А остальные гости уже прибыли, так что скучно вам не будет. Сейчас предлагаю вам немного освежиться с дороги, после чего я проведу для вас экскурсию по замку. А это, полагаю, Иванна Павловна, - он кланяется, а потом протягивает руку, в которую я вкладываю свою. Мужчина галантно прикасается губами к моим пальцам, и тут же их отпускает. - Владимир, - представляется. - Правая рука нашего гостеприимного хозяина. Что бы вам ни понадобилось, буду рад помочь.

- Очень приятно, - киваю с улыбкой.

- Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты.

- Комнаты? - уточняю я.

- По настоящию хозяина все семейные пары живут в разных спальнях. Здесь достаточно места, чтобы всех расположить с комфортом.

В этот момент я должна была понять, что что-то не так. Но ничего даже не екнуло внутри, потому что Владимир завел нас в роскошный средневековый замок, и я едва могу заставить себя держать рот закрытым, потому что все здесь поражает масштабами и обстановкой.

Я вздрагиваю, вспоминая диалог пятилетней давности:

- Где бы ты хотела жить? - спрашивает он.

Мы лежим в высокой траве, моя голова покоится на его животе. Мои губы искусаны и зацелованы так сильно, что жгут. Я не могу открыть глаза из-за яркого солнца. Его рука лежит на моей голове, а большой палец гладит лоб. У меня ощущение, будто я умерла и попала в свой собственный рай.

- В замке, - отвечаю с улыбкой. - Старом, средневековом, населенном привидениями и хранящем огромное количество историй. Я бы спускалась на завтрак в шелковом халате и тапочках на каблуках с пушистыми помпонами. Я бы ходила там только на каблуках, чтобы слышать их стук, эхом разлетающийся от стен. А по ночам я бы занималась сексом с любимым мужчиной, и привидения затаивались бы по углам, чтобы не нарушать наш интимный момент.

Сердце вздрагивает от этого воспоминания, и я останавливаюсь перед широкой каменной лестницей. Смотрю на-

верх и пытаюсь сбросить с себя наваждение. А еще ощущение, что я попала в это место не просто так. И Роман не имеет к этому никакого отношения.

Глава 5

Меня заселяют в просторную спальню с видом на горы. Здесь есть все необходимое и даже больше. Стеклопакеты, ведущие на большой балкон, приоткрыты, и от легкого ветра тонкие занавески взлетают вверх. Так же красиво колышется тонкий белый тюль балдахина над кроватью.

Владимир кланяется и уводит Романа в его комнату, закрывая за собой дверь. Я прохаживаюсь по комнате. Выхожу на балкон, на котором стоит роскошная банкетка, а перед ней - маленький кованый столик. Горы поражают своим величием, а заснеженные вершины притягивают взгляд.

Вернувшись в комнату, прохожусь по ней. Стук моих каблуков отлетает от деревянного паркета и глухим звуком разносится по комнате. Ванная тоже огромная и с видом на горы. Я сразу раздеваюсь, набираю эту ванну, добавляю в нее пену и устраиваюсь в воде, не отрывая взгляда от панорамы.

Внутренности по-прежнему трепещут, но у меня странное ощущение, будто я оказалась там, где должна была. Как будто наконец нашла свое место на земле. Хотя волнение никуда не делось.

После ванны я заворачиваюсь в махровый халат и возвращаюсь в спальню. Здесь уже стоит мой чемодан. Я открываю его и, достав белье, надеваю, потом возвращаю халат и ложусь на кровать отдохнуть. Глазею на разлетающийся в раз-

ные стороны тюль. И ощущение, что я дома, возвращается.

Подремав примерно часа полтора, я обновляю макияж, переодеваюсь в удобные белые брюки, футболку поло и лоды, после чего, прихватив телефон, спускаюсь вниз. Слышу знакомый голос, доносящийся из одной из комнат, и тороплюсь туда.

- Алла! - восклицаю, видя свою двоюродную сестру, сидящую на большом диване в огромной гостиной.

- О, наконец-то! А то мне сказали, что ты приехала, но мы с тобой разминулись.

- Откуда ты тут взялась? - когда сестра встает, мы обнимаемся.

- Антон позвал провести выходные у его делового партнера.

- А имя партнера он тебе случайно не сказал? - шепотом спрашиваю я, чтобы остальные гости, сидящие на диванах и в креслах, не услышали.

- Нет, - она качает головой. - Прямо тайна за семью печатями.

- Это странно.

- Так, давай знакомиться со всеми.

Она представляет меня остальным гостям. Здесь, кроме нас и Аллы, три пары. Одна средних лет и две помоложе, примерно нашего возраста. Никого из них я не знаю, но они кажутся мне приятными.

- Мой Антон с твоим Ромой вышли осмотреть террито-

рию, - говорит сестра, когда мы усаживаемся на диване.

Включаемся в светскую беседу. Оказывается, хозяин дома построил обширную программу развлечений на ближайшие четыре дня. Катание на лыжах, на лошадях, охота, рыбалка для желающих, ужины, игры в карты и настольные игры. Ну, и по мелочи типа стрельбы по недвижимым мишеням или бросание топора.

Нас зовут на обед, и в это же время в дом заходят Рома с мужем Аллы. Мы здороваемся и отправляемся в огромную столовую, в центре которой стоит длинный стол, за которым мы и размещаемся.

Поразительно, но во время обеда люди обсуждают что угодно, только никто ни разу не называет имени хозяина этого замка. И почему-то меня это начинает очень сильно беспокоить. Я поглядываю на сестру, но она беззаботно смеется над шуткой Аркадия - мужчины средних лет. А у меня внутри диссонанс. Я запуталась, как относиться ко всему этому, и никак не могу расслабиться.

После обеда Владимир предлагает гостям прогуляться или сыграть в бильярд. Мужчины уходят в бильярдную, прихватив коробку с сигарами, женщины идут на улицу. И когда мы с Аллой собираемся последовать их примеру, нас останавливает Владимир.

- Иванна Павловна, позвольте я покажу вам с сестрой кое-что.

Мы с Аллой переглядываемся, а потом согласно киваем,

и помощник хозяина замка ведет нас по просторному каменному коридору с высоким потолком куда-то вглубь этого грандиозного строения. Я не успеваю рассмотреть висящие на стене гобелены и картины, но обещаю себе, что обязательно сделаю это позже, когда за меня перестанут решать, что мне делать на досуге.

Мы останавливаемся перед большими двойными дверями. Они выглядят массивными и тяжелыми. Владимир бросает на меня нечитаемый взгляд, а потом распахивает эти двери и отходит в сторону, чтобы пропустить нас с сестрой в залитое светом помещение огромной оранжереи.

Я делаю несколько шагов, останавливаюсь. Чувствую, как сердце разгоняется, тараня ребра и практически стирая их в порошок. Взгляд застывает на стене, часть которой занимает блестящая металлическая конструкция в виде пчелиных сот, и по ней вьются лианы... орхидей.

И вообще здесь только орхидеи. Десятки разных видов и цветов. Я кружусь, стоя на месте, и моя голова кружится вместе со мной. Потому что теперь я, кажется, знаю, кому принадлежит этот чертов замок...

- Наслаждайтесь, - спокойно произносит Владимир и скрывается за теми огромными дверями, оставив одну открытой, чтобы мы могли выйти.

- Ну и душно здесь, - выдает Алла, прохаживаясь вдоль стены, по которой вьются орхидеи.

А я так и стою, вперившись взглядом в эти золотые соты.

Не могу поверить. Нет, даже не так. Не хочу верить. И знать не хочу. И вообще, сейчас мое самое большое желание - как можно скорее уехать отсюда!

- Красиво, - говорит сестра, останавливаясь рядом со мной. - Но я как-то равнодушна к таким местам.

- Алл? - зову ее внезапно севшим голосом. - У тебя бывает ощущение, будто ты попала в какую-то параллельную реальность?

- Что с голосом? Ты себя нормально чувствуешь?

- Ответь! - приказываю резковатым тоном.

- Почти никогда, - в ее голосе растерянность. - Пару раз за всю жизнь. А что? У тебя сейчас такое?

- Я... мне надо поговорить с Ромой. Прости.

Разворачиваюсь и буквально сбегая из этой чертовой оранжереи. Сейчас мои каблуки не стучат размеренно. Они нервно тарыхтят по элитному паркету, отбивая истеричную чечетку и полностью отражая все чувства, которые бурлят внутри меня. Я забегаю в разные комнаты. Библиотека, малая гостиная, еще одна столовая, но поменьше. А потом влезаю в черный кабинет. Полностью черный!

Торможу в центре и кручусь по сторонам, глядя на обстановку. Черный стол, такого же цвета кожаные кресла, слева диван и два кресла, кофейный столик. А на стене... соты. Золотые. В самом углу кованая пчелка. Я подхожу ближе и чувствую, как внутренности сковывает холодом. Эта пчелка обмотана как будто золотой паутиной, нити которой тянутся

по углам нескольких элементов сот.

Развернувшись, рассматриваю книжный шкаф. Там классика в роскошных ручной работы переплетах. Раздвижные стеклянные двери ведут на просторную террасу со столиком и четырьмя креслами.

Я в ужасе осматриваю это помещение и еще сильнее укрепляюсь в догадке, кому принадлежит замок.

Я должна найти мужа. Уехать. Немедленно! Я не хочу ЕГО видеть! Не могу! Не стану даже разговаривать с ним!

Развернувшись, выбегаю из кабинета и налетаю на Владимира. От столкновения у меня из легких вылетает воздух.

- Простите, - произношу дрожащим голосом. - Владимир, я... мне нужно найти мужа.

- Вы побледнели, - отвечает он. - Пойдемте, я дам вам воды. Или, может, вы хотите ваше любимое розовое шампанское с грейпфрутовым соком?

Я впиваюсь в мужчину взглядом.

- Откуда... - выдаю так сипло, что сама себя едва слышу. - Откуда вы знаете, какое шампанское я люблю?

- Ну как же? - улыбается он, а мне хочется вмазать по этой безмятежной улыбке. - Моя работа узнавать все о гостях этого дома. Ваш муж сообщил о вашем любимом напитке.

Я немного успокаиваюсь.

- Прошу вас отвести меня к Роману.

- Боюсь, он уже в своей комнате, готовится к ужину.

- Мы только пообедали, - напоминаю ему.

- Значит, бродит где-то по территории, потому что в бильярдной его нет, я только оттуда.

- Я найду его, - пытаюсь пройти мимо, но Владимир аккуратно, при этом намертво вцепляется в мой локоть. Я смотрю на соединение наших рук, а потом стреляю в него взглядом.

- Что это должно означать? - выдаю срывающимся голосом.

- Вам не стоит сейчас бродить по округе, Иванна Павловна. Исключительно в целях вашей безопасности. Вы немножко... не в себе. Пойдемте, у нашего повара есть прекрасный успокаивающий чай.

- Мне не нужен успокаивающий чай! - рявкаю и выдергиваю локоть из его хватки. - Я немедленно должна найти мужа! И вы меня не остановите!

Сорвавшись с места, вылетаю из коридора, и шумно выдыхаю, когда вижу в гостиной Романа, который, взяв графин с виски, направляется на выход.

- Рома! Роман! - зову его, привлекая к нам внимание прогуливающихся на улице женщин. Я даже не заметила, что огромные стеклянные двери открыты настежь. Мой муж останавливается и дожидается, пока я подбегу к нему. Вцепляюсь в его руку, сменяя рукав закатанной до локтей рубашки. - Рома, нам срочно нужно улететь отсюда. Сейчас же!

Глава 6

- Тихо-тихо, - отзывается мой муж и, взяв меня за локоть, отводит подальше от двери, ведущей на улицу. - Ты чего так переполошилась?

- Ты не понимаешь! - восклицаю я.

- Конечно, не понимаю. Ты же не объясняешь, только кричишь. Что за истерика, Иванна?

- Это не истерика, - задыхаясь, отвечаю я. - Понимаешь, это дом... Как зовут твоего делового партнера?

- Что? - он усмехается, а мне хочется выхватить у него хрустальный графин с выпивкой и со всей силы вмазать по голове. - Иванна, я не знаю, по какой причине ты в таком состоянии, но тебе надо успокоиться. Поднимись в комнату и...

- Как. Зовут. Твоего. Нового. Партнера?

Каждое слово я чеканю так, что они, кажется, отлетают от зубов.

Рома уже открывает рот, чтобы ответить, но тут в гостиную заходит Владимир.

- Роман Андреевич, кажется, это ваш телефон, - он протягивает мужу звонящий гаджет. Я успеваю взглянуть на экран. Номер скрыт.

- Прости, важный звонок, - говорит мой муж, бросая на меня взгляд. - Иди... на лошадях покатайся. Алло? - это уже

в трубку.

- Иванна Павловна, ваш муж говорил, что вы любите лошадей, - раздаётся справа голос Владимира, и я с трудом отрываю свой взгляд от Романа, чтобы посмотреть на помощника хозяина дома. - Пойдемте, я покажу вам конюшню.

- Как зовут вашего хозяина? - спрашиваю со стальными нотками в голосе. Этот абсурд меня окончательно вывел из себя.

- Скоро он будет здесь и сам представится, - с самой доброжелательной улыбкой произносит этот помощник, а мне и ему хочется врезать. - Так что показать вам...

- Не надо, - выплевываю совершенно невоспитанно, а потом разворачиваюсь и выхожу на улицу.

Торопливым шагом пересекаю газон и иду сама не знаю, куда. Пока что ориентиром мне служит небольшой сквер в конце этого газона.

Меня трясет так, что зуб на зуб не попадает. Жалею, что не прихватила с собой джемпер, потому что кажется, что меня знобит. Это аллергия на тайны, которые таит в себе чертов замок.

Тормознув, оборачиваюсь и смотрю на грандиозное строение с башнями и огромными окнами. Оно пялится в ответ, будто насмехаясь и раззявив пасть в виде дверей, ведущих на террасу, на которой женщины играют в бридж и заливаются шампанским. Розовым, черт подери! Другого в этом доме, наверное, и не водится.

Продолжаю свой путь, складывая пазлы: замок в Альпах, конюшни - которых я, кстати, еще не видела, - оранжерея с орхидеями, чертовы подарки и гребаные соты с запутавшейся в паутину пчелкой. С каждым разом, когда я мысленно перечисляю эти вещи, сердце грохочет еще быстрее.

Я точно знаю, кому принадлежит замок и все остальное. Тут даже ни малейших сомнений. Но к чему эта дурацкая таинственность? Нагнать на себя флер загадочности? Если так, то ему не стоило посылать мне столько сигналов.

Захожу в сквер, и у меня такое ощущение, будто звук, еще недавно долетавший от дома, вдруг исчезает. Наступает такая тишина, что закладывает уши. Я замедляю шаг и продолжаю идти между деревьев и кустов. Дорожка петляет между ними. Бросаю взгляд на кованую скамейку с видом на горы. Деревья перед ней как будто специально раздвинулись, чтобы открыть роскошную панораму на заснеженные вершины.

Я не останавливаюсь. Пересекаю этот сквер, а уже потом резко торможу, видя в отдалении огромную конюшню и несколько лошадей в загоне для выгула. В открытых воротах конюшни стоит кто-то и расчесывает лошадь. Натирает щеткой до блеска. Даже с такого расстояния я могу рассмотреть это.

Вдруг сердце срывается в галоп. Это мужчина. Высокий. Крупный. Мускулистый.

Ускоряюсь.

Это он. Я чувствую, что он. Мурашки на моей коже слиш-

ком ярко свидетельствуют об этом.

Снова ускоряюсь, а через минуту срываюсь на бег. Я поймаю его. Пусть ответит за все!

Пока бегу, наблюдаю за тем, как мужчина скрывается на конюшне.

- Эй! Стой! - кричу, но он не оборачивается. Зато оборачиваются пара человек, выгуливающие лошадей. - Остановись немедленно!

Он скрывается в помещении, и я, чуть не спотыкаясь, тоже влетаю туда, пробежав мимо красивого вороного коня. Торможу, рассматривая пустое пространство. Похоже, лошадей на выгул вывели именно отсюда, потому что все стойла пустые.

Быстро пересекаю конюшню и выхожу через распахнутые ворота с той стороны. Ни следа пребывания другого человека. Как будто мне почудилось.

Не хочу даже думать о том, что у меня едет крыша. Именно такого эффекта он и добивается, я уверена. Хочет, чтобы я сошла с ума, уверенная в том, что видела его, а его тут якобы не было. Но я точно знаю, что был, потому что я его не только видела, но и чувствовала.

Вылетаю на улицу. За ней еще одна конюшня, поменьше. Рядом с той - пара хозпостроек и небольшой дом. Оббегаю все, но он как будто и вправду почудился мне. Врываюсь в домик и натываюсь на седовласого мужчину, который застыл с бутербродом на полпути ко рту.

- Простите, я... - Он что-то отвечает на немецком, а я с сожалением выдыхаю. - Вы говорите на английском? - перехожу на универсальный язык, но мужик только хлопает глазами. - Французский? Итальянский? Вот черт, - выдаю со стоном. Встряхиваюсь. - Так ладно. Смотрите. Здесь, - показываю в сторону конюшни, - был мужчина, - руками в пространстве рисую нечто, похожее на высокий квадрат. - Как вы. Мужчина.

Я тычу в него пальцем, и мужик повторяет этот жест, указав на себя большим. Он изумленно смотрит на меня и опять лепечет что-то, но я вообще ничего не понимаю.

- Ну... вы мужчина. Я - женщина. А вы мужчина. И то был мужчина. Большой такой, - снова поднимаю руки, чтобы показать масштаб. - Я ищу его.

Он опять что-то бормочет на немецком, а я психую. Тогда я делаю то, что мне вообще не свойственно: опускаюсь до пошлостей и рукой показываю мужское достоинство, тыча в свой пах.

- Мужчина, - повторяю.

Клянусь, такого выражения лица я ни у одного мужчины не видела. В этот момент в дом заходит довольно стройная женщина в платье и сером переднике. Она примерно одного возраста с этим мужиком с бутербродом. Женщина быстро оценивает ситуацию и хмурится. А потом... налетает на старика, и они начинают орать друг на друга на своем языке.

- Подождите! - пытаюсь перекричать их. - Может, вы гово-

рите на русском? Или на английском? Мадам! То есть, фрау или как там тебя? - выдаю уже с отчаянием в голосе, но тут она начинает бросаться на него с кулаками, и я понимаю, что ничего от них не добьюсь.

Выхожу из домика, хлопнув дверью, и направляюсь в большой ангар.

Ну куда-то же он делся, чтоб его черти драли?!

Пока иду по большой постройке, осматриваю ее всю, включая потолок. Обычно под крышей хранят сено, а еще там можно спрятаться. Не думая дважды, тороплюсь к деревянной лестнице и взбираюсь наверх. На удивление здесь довольно чисто и мало сена. И... никого нет.

Сев на вершине лестницы, я тяжело вздыхаю. Точно крыша едет. Надо как-то заканчивать это, иначе я совсем сойду с ума.

- Устала, Пчелка? - слышу за спиной голос, и волосы на всем теле встают дыбом.

Глава 7

Резко дернувшись, вскакиваю, а потом хватаюсь за грубую балку, потому что начинаю шататься. Он подлетает ко мне и, схватив под подмышки, поднимает в воздух и затаскивает под крышу. Ставит на ноги, а его руки сползают до талии.

Впиваюсь в него взглядом, жадно скользя по знакомым и незнакомым чертам.

Мирон сильно изменился. Встреть я его на улице, вряд ли узнала бы. А, может, я и встречала его в ресторанах или на светских мероприятиях, просто не поняла, что это именно он, поэтому не замечала.

Острая линия челюсти, сама челюсть массивная, какой я помню. Сейчас он носит то ли слишком короткую бородку, то ли изрядно отросшую щетину черного цвета, буквально смоляного, как и его волосы. Смуглая кожа идеально ухоженная, а между густых бровей залегли неглубокие морщинки. Видно, что Мирон часто хмурится.

Я помню, как нежно целовали эти пухлые губы. С какой лаской смотрели черные как ночь глаза. И эти огромные руки... Они обнимали до хруста костей.

Чтобы посмотреть в глаза Мирону, мне приходится задрать голову.

Он не улыбается. Просто смотрит и сжимает своими лапищами мою талию. Делает то же, что и всегда - присваивает

себе без единого слова.

Почему-то вспомнилось, что папа называл его цыганом из-за смуглой кожи. А сам Мирон не знал своего происхождения, он детдомовский.

Он стал больше. Намного больше. Выше, крупнее, накачаннее. Как огромная глыба, нависающая надо мной и перекрывающая кислород.

- Насмотрелась, Пчелка? - Мирон вырывает меня из вакуума, в который сам же и погрузил.

Я отталкиваю его руки и отскакиваю назад. Теперь смотрю с неприкрытой яростью.

- Что за цирк ты устроил?! - рывкаю, поправляя свою одежду.

Меня всю трясет не только от злости, но и в принципе от нашей встречи.

- Цирк? - усмехается он криво и... Боже, до чего же красивым мужчиной он стал! Аж колени подкашиваются. Но больше я в эту ловушку не попаду. - Мне кажется, ты хотела жить в замке, ухаживать за лошадьми, тебе нравятся орхидеи и ты... Пчелка, - он пожимает плечами, как будто это совершенно очевидные факты.

- Мирон, сейчас же прекрати все это! - рывкаю я. - Немедленно! Просто... просто останови! Расторгни контракт с моим мужем! обойдется без очередного заводика!

- Это не тебе решать. Помнишь, как твой отец говорил? Женщине в бизнесе делать нечего.

Мирон давит на самые болезненные точки. Он прекрасно знает, как я ненавидела эту фразу. Особенно в свете того, что я как раз хотела заниматься бизнесом после университета. Мне были интересны инвестиции, венчурные фонды, экономика. Но папа быстро подрезал крылья одной этой фразой. И Мирон, черт подери, был в курсе, как я страдала от этого! А теперь он использует это против меня?!

- Ты... - шиплю, словно змея. - Ты... стал чудовищем. Ты видел... наверняка видел, как я схожу с ума, получая твои чертовы подарки, и все равно продолжал их присылать.

- Понравился замок? - спрашивает он, как будто я тут не схожу с ума из-за его выходок.

- Да гори он синим пламенем! - ору я, всплескивая руками.

- Хочешь, подожжем вместе? Он твой, Пчелка. Распоряжайся.

- В смысле - мой? Ты дурак? - задаю вопрос, который с легкостью произнесла бы пять лет назад, но точно не сейчас. Как будто я вернулась в подростковый возраст, когда все было проще и одновременно с тем сложнее.

- Ты же знаешь, что да, - усмехается Мирон.

- Оставь меня в покое, слышишь? - шиплю. - Я замужняя женщина. У меня уже сложившаяся жизнь. Отвали, Мирон.

- Люблю, когда ты произносишь мое имя, - мурлычет он и подходит ближе. Я пячусь, а он наступает огромной тенью, накрывая меня с головой. Нет-нет-нет, больше я не поведусь

на такое. Упираюсь поясницей в балку, и Мирон ставит на нее руки по бокам от меня. - Ты правда считаешь, что сможешь уйти от меня? - спрашивает он бархатным голосом, а у меня волосы встают дыбом и мурашки бегут по коже.

Открываю рот, чтобы ответить на заявление Мирона, но захопываю его, услышав голос Владимира снизу:

- Босс, вас ожидает вертолет.

- Хочешь прокатиться со мной? Посмотришь на горы с неба.

- Хочу, чтобы ты прямо сейчас ушел и больше не возвращался.

- Правда этого хочешь? - усмехается он.

- Да, - выдаю, но голос почему-то предательски дрожит, а в голове полная каша из вопросов.

Мирон пару минут смотрит на меня, практически не мигая. Между нами искрит. Нет, не просто искрит. Между нами гудит, как в трансформаторе, и периодически мелькают яркие вспышки, когда искры пучками сталкиваются в воздухе. Он делает шумный вдох.

- Мне не нравятся твои духи, - наконец выдает он, а я буквально задыхаюсь от возмущения. - Они тебе не идут. Я подарю другие.

- Что? - выдыхаю. - Не надо мне ничего дарить! Я не буду ими пользоваться!

Он медленно опускает взгляд на мою грудь. А потом... касается пальцами ложбинки и ловит ими чертову подвеску в

виде пчелки прямо через ткань. Сжимает ее и криво усмехается. По моему телу проходит волна дрожи, и это не ускользает от внимательного взгляда Мирона.

- Подвеску ты тоже не носишь, - не спрашивает, а утверждает он. Придвигается ближе, скользит своей щетиной по моей щеке, и горячее дыхание касается уха, пробуждая мурашки. - Хочу увидеть тебя голой только в этой подвеске. - С этими словами он разворачивается и, не глядя на меня, спускается вниз. - Подстрахуй Иванову Павловну, - бросает, наверное, своему подчиненному, и я слышу его шаги, когда он покидает конюшню.

Я тяжело вздыхаю и, подняв вверх голову, закрываю глаза. Только сейчас замечаю, как сильно впилась пальцами в балку позади. Отпускаю ее, чувствуя пульсацию в конечностях. Еще один судорожный вдох, и я спускаюсь по лестнице. Внизу меня встречает Владимир.

- Иванна Павловна, вы уже видели наших лошадей?

- Исчезни, - рявкаю и быстрым шагом направляюсь прочь отсюда.

Проходя мимо выгула, притормаживаю, залюбовавшись белоснежной кобылой. Ее роскошную гриву треплет небольшой ветерок, а солнце играет с отдельными волосками. У меня даже создается такое впечатление, будто она сверкает, как волшебная пони. Я замираю и, не дыша, смотрю на эту красавицу.

- Ее зовут Белладонна, - раздается справа голос Владими-

ра настолько неожиданно, что я вздрагиваю. - В переводе с итальянского “красивая женщина”.

- А еще ядовитое растение, - отзываюсь я, не сводя взгляда с лошади.

- У всех есть темная сторона, - многозначительно произносит он.

Глянув на Владимира, снова смотрю на кобылу. Она грациозно пронесется рысью мимо нас, стуча копытами.

- Хотите прокатиться? - спрашивает он.

- Хочу домой.

Оторвав взгляд от лошади, тороплюсь к замку. К счастью, помощник Мирона остается возле выгула. По дороге я присаживаюсь на ту самую скамейку с видом и сижу там некоторое время. В голове смешиваются воспоминания пятилетней давности и сегодняшняя встреча с моим прошлым. Рука сама тянется выше, и я сжимаю кулон через ткань. Мне кажется, он до сих пор хранит тепло его пальцев, но я ни за что не признаюсь, что чувствую это.

В мыслях пронесется его голос. Не тот, что я услышала сегодня. А тот, который шептал нежности пять лет назад.

- Я люблю тебя, моя Пчелка.

- Пчелка? - удивлялась я и улыбалась, видя, с каким обожанием он смотрит на меня.

- Да, Пчелка, - кивнул тогда Мирон. - Ты производишь такой же сладкий мед. Ты и сама сладкая.

- И много жуужжу?

- Я готов твое жуужжание слушать всю оставшуюся жизнь. Хочешь, убежим вместе?

Мои глаза стали огромными.

- Ты правда пойдешь на это? Ты же знаешь, кто мой отец.

- А ты думала, кто выполняет для него грязную работу?
- Я смотрела на него, приоткрыв рот. - Я решил, что ты должна это знать, чтобы у тебя не было иллюзий насчет меня.

- Но ты же... водитель.

- Я не просто водитель, Пчелка, - вздохнул он. - Не в классическом понимании.

- Ты... убиваешь людей для моего отца?

- Скажем, я решаю проблемы любой сложности.

Тогда я не знала, как ко всему этому относиться. А сейчас... И сейчас не знаю. Но в чем я точно уверена, так это в том, что отсюда надо сваливать, и как можно скорее. Потому что я стану той пчелкой, какую видела в кабинете Мирона - той, что запуталась в его паутине.

Глава 8

- Иванна Павловна, через полтора часа ужин, - сообщает мне служанка, больше похожая на тень. - Хозяин просил, чтобы вы спустились к семи.

К моменту, когда я возвращаюсь в замок, ни на террасе, ни на первом этаже уже никого нет. Прислуга Мирона обнаруживает меня как раз в момент, когда я захожу внутрь.

- Можете передать вашему хозяину, чтобы он пошел к черту, - выплевываю я.

- Он ожидал, что именно так вы и ответите, поэтому просил передать, что если вы сегодня поужинаете со всеми гостями, он обещает больше не доставлять вам неудобств.

Я хмыкаю, понимая, что врет он все. Если Мирон уже вцепился в меня, он не отпустит. Но все равно я голодна, так что к ужину спущусь. И, если честно, мне интересно посмотреть, как он будет вести себя среди людей.

Войдя в спальню, ругаюсь совершенно не по-светски, потому что на небольшом столике стоит букет чертовых черных орхидей. Взбесившись, хватаю корзинку с ними и, открыв балконную дверь, просто вышвыриваю эту гадость. Я теперь ненавижу орхидеи!

Сбросив с себя всю одежду, уже хочу сорвать с шеи подвеску, но почему-то бережно снимаю ее и иду голая через всю комнату в душ. Почему так? Потому что я подозреваю,

что в моей спальне может быть скрытая камера, и Мирон поселил мужа отдельно, чтобы не смотреть на наш секс. Он же не знает, что я не спала с Романом уже почти год. Но если этот больной ублюдок на меня пялится прямо сейчас, пусть кусает локти, глядя на то, что ему никогда не достанется.

В нескольких шагах от ванной замираю, глядя на туалетный столик. На нем стоят три бутылочки парфюма. Без названия и бренда. Просто три бутылочки, в которых, я уверена, заключен запах. Сердце вздрагивает и начинает колотиться быстрее. Я смотрю на них и усмехаюсь, а Мирон глубоко ошибается, если думает, что я стану пользоваться хотя бы одними из этих духов.

Захожу в ванную, а там - в просторную душевую кабину. Горячие струи немного улучшают мне настроение. Но стоит закрыть глаза, как за опущенными веками возникает он... Красивый до невозможности. С бархатным голосом и этими соблазнительными интонациями.

Нет! Я не должна думать о нем так! Я вообще не должна о нем думать!

Сейчас надо сосредоточиться на мытье. Гель для душа и крем для тела пахнут потрясающе. Они как будто обволакивают мою кожу нежным ароматом, но с ноткой горчинки. Словно в нежный цветок досыпали перца. Я бы сама выбрала такой запах, но в последнее время предпочитаю более тяжелые. Сама даже не знаю, почему.

После душа привожу себя в порядок. Особенно тщатель-

но наношу вечерний макияж, беру из шкафа, в который уже развесили все мои вещи, длинное красное платье, достаю черные туфли на шпильках. У платья довольно глубокое декольте, и я надеваю длинную золотую цепочку с “хвостиком”, который красиво ложится в мою ложбинку и стекает ниже, привлекая внимание к груди.

Проигнорировав стоящие на столике бутылки, пересматриваю содержимое своих косметичек и... не нахожу своих духов. Тороплюсь в ванную, но там их тоже нет. Шкаф, чемоданы, даже ночные столики - все проверяю. Но нет, пусто!

- Вот сволочь, - шиплю я. - Ну, ладно.

Осмотрев себя в зеркале в полный рост, я остаюсь довольна увиденным.

Задрав голову, выхожу из спальни и спускаюсь вниз. В гостиной уже собрались практически все, кроме хозяина замка. Я даже немного разочарована, что у меня не будет возможности подергать тигра за усы.

- Куда ты исчезла? - спрашивает Алла, торопясь ко мне. - Сбежала из оранжереи, и больше я тебя не видела.

- Прогулялась немного, - отвечаю я и беру бокал розового шампанского с подноса официанта.

Господи, у него тут и официанты имеются. Кстати, за целый день я только раз увидела прислугу. Похоже, персонал хорошо вышколен не мелькать перед глазами.

Мы с сестрой болтаем и попиваем шампанское, а когда ее отвлекает муж, я выхожу на террасу полюбоваться закатом

в горах.

Если бы это был не Мирон. Если бы Рома купил нам такой замок, конюшню и все прочее... Может, я бы даже смогла полюбить мужа. Ну, или, по крайней мере, смогла бы терпеть его.

- Ты воспользовалась духами, которые я тебе подарил.

Мирон буквально выплывает из тени. Я впиваюсь в него взглядом и иронично улыбаюсь.

- Я не притронулась к твоим бутылочкам. Можешь забрать духи и подарить их той, кто оценит.

- Ты притронулась. - Он уже как будто хочет пройти мимо меня, но на мгновение задерживается, шумно втягивая воздух возле моих волос. - Они были добавлены в твой гель для душа. И, кстати, разработаны специально для тебя, так что другой не подойдут.

С этими словами он скрывается в замке, а я так и стою, не дыша и не моргая.

- Иванна, ты идешь? - на террасе появляется мой муж. - Пойдем, познакомлю тебя с хозяином замка, после этого поужинаем.

Познакомит он... Я сама могла бы сделать ему обзорную экскурсию по этому мужчине. По каждому чертовому шраму на его теле!

Оставив пустой бокал на столике, все же делаю глубокий вдох, беру Романа под руку и захожу с ним внутрь. На лицо натягиваю самую сверкающую из своего арсенала улыбок.

Пусть Мирон побесится, думая, что у нас с мужем все более, чем хорошо.

- Иванна, познакомься, - он подводит меня к хозяину замка, - Мирон Князев, мой новый деловой партнер.

- Очень приятно, прекрасная Иванна, - сразу отзывается тот и протягивает руку. Я секунду смотрю на нее, а потом все же поднимаю свою, вкладывая ее в большую ладонь с выступающими венами. - Роман не обманул, вы и правда сногшибательны.

- Благодарю, - отвечаю по-светски вежливо. - Жаль, что о вас Роман ни слова не сказал.

- О, это моя маленькая прихоть, - улыбается он и, нагнувшись, касается губами моих пальцев, задерживаясь на них дольше, чем того требуют приличия. А я изо всех сил стараюсь скрыть, как все мое тело прошивает электрическим током. Мирон выпрямляется, а я практически выдергиваю руку из его хватки. Он усмехается. - Люблю напустить туман.

- Мирон Данилович, - в гостиной показывается вездесущий Владимир, - ужин готов.

- Пройдемте! - восклицает хозяин дома и указывает в сторону гостиной. - Сегодня у нас обычный ужин, а завтра будем есть то, что подстрелим на охоте.

- На какой еще охоте? - шиплю я, беря мужа под руку и направляясь вместе с остальными гостями в столовую.

- На самой обычной. Мирон обещал, что эту охоту мы не забудем.

Я смотрю на затылок удаляющегося Князева. Буквально сверлю его взглядом. Что он, черт подери, задумал? Потому что я ни за что не поверю, что это просто охота, и все уйдут с нее живыми. Если этот мужчина не сильно изменился за прошедшие пять лет, то закончится это все, как говорила моя бабушка, не интеллигентно.

Мы размещаемся за большим столом, и по какой-то дурацкой причине меня сажают по правую руку от хозяина дома. Он тут же вовлекает всех в разговор. У него это происходит быстро и гармонично. Черта, которой в нем раньше не было - умение увлечь людей и приковать к себе их внимание. Наоборот, раньше Мирон старался был незаметным. А теперь...

Я совсем не знаю нового Мирона. Он как будто тот, мой, но в то же самое время совершенно чужой и мне непонятный.

- Мирон, если мужчины едут на охоту, то чем заняться женщинам? - спрашивает Алла.

- Дамы, и для вас занятие найдется. Катание на лошадях, которое завтра организовывает мой помощник. Через час после завтрака вы отправитесь по живописным долинам на этих прекрасных животных. А после обеда можно будет делать что угодно. Играть в карты, читать книги, играть на фортепиано, смотреть фильмы, дремать, гулять и общаться. Кстати, для желающих здесь есть бильярд.

- Прямо все удобства, - хихикает моя сестра, и остальные

гости с восторгом кивают.

- Я перестраивал этот замок для человека, у которого обширный диапазон увлечений. - Когда я поднимаю голову, он обводит взглядом всех присутствующих и выдает, пожалуй, самую из своих обаятельных улыбок. - Для себя.

В конце он останавливает свой взгляд на мне и клянусь, он смотрит не просто так. Не тем взглядом, которым смотрел на остальных гостей. Или мне так только кажется? Может, я принимаю желаемое за действительное?

Какое, к черту, желаемое?!

Взгляд Мирона сползает ниже к моей шее. Он буквально плавит на ней золотую цепочку, а потом многозначительно усмешается.

- Мирон, почему мы не знали вас раньше? - спрашивает еще кто-то из гостей.

- Меня долго не было. Я строил свою империю. Но теперь буду появляться дома чаще. У меня там пара незавершенных дел. А теперь еще и бизнес. - Он поднимает стакан с виски. - Пусть он будет успешным.

Все поддерживают его тост и выпивают, а я на автомате касаюсь бокалом шампанского остальных, не сводя взгляда с Мирона. Он же смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать, а я уже разучилась читать его взгляды. Только что-то мне подсказывает, что мне не понравится речь, которую он скрывает в своих темных глубинах.

Глава 9

После ужина хозяин дома предлагает всем сыграть в карты. Мы перемещаемся в комнату, в которой стоит бильярдный стол и несколько небольших круглых столов, покрытых зелеными скатертями, свисающими практически до пола. Пара мужчин - и среди них мой муж - уходят к бильярдному столу, остальные рассаживаются за карточные.

- Иванна, не откажите мне в чести, - произносит этот дьявол с очаровательной улыбкой и выдвигает для меня стул.

- Я не играю в карты, - отрезаю, впиваясь взглядом в лицо Мирона.

- Помнится мне, ты отлично играла в вист, - понизив голос, напоминает он. - И в бридж.

- Иванка, давай, - провоцирует меня Алла. - Мы с тобой сто лет не играли.

Она садится на стул, я опускаюсь на тот, который напротив, Мирон занимает место слева от меня, а справа размещается муж моей сестры, Антон.

- Что ж, начнем, - улыбается Мирон, тасуя колоду карт и начиная раздавать.

Само чертово очарование!

Только никто из присутствующих не знает, на что он способен. На что был способен еще пять лет назад. А с его новыми возможностями и подавно. Наверняка превратился в

монстра. Хотя почему “навверняка”? Я же на своей шкуре каждый день ощущаю его влияние, от которого волосы встают дыбом.

Игра начинается нормально. Нас всех захватывает азарт. Официанты подносят нам бокалы с вином, мужчины поджигают сигары. Обстановка становится очень... спокойной и какой-то кайфовой, хотя полностью расслабиться в присутствии Мирона мне сложно.

Я украдкой поглядываю на него. То люблюсь, то люто ненавижу. А когда-то любила до состояния спертого дыхания и остановки сердца. Когда-то оно вообще билось только для него. Красивее и мужественнее мужчины для меня не существовало.

Сейчас же... сейчас я катаюсь на собственных качелях. В одну минуту я хочу броситься на шею Князеву. Зацеловать его, почувствовать, как крепко он сжимает меня в своих объятиях. Хочется говорить, как сильно я соскучилась, и как ноют внутренности от того, что мы больше не можем быть вместе.

А с другой, мне хочется взять что-то потяжелее и разбить это о его голову. А лучше схватить пистолет и просто выстрелить ему в сердце, как он практически сделал со мной пять лет назад. Он ведь выстрелил, и ему даже оружие не понадобилось.

Ненавижу!

Первые две партии я проигрываю. На третьей стараюсь со-

средоточиться лучше. К концу игры, когда Мирон и Антон выбывают, остаемся только мы с сестрой, я откидываюсь на высокую спинку стула, забросив ногу на ногу, анализирую карты и пытаюсь вспомнить, какие были.

Вздрагиваю, когда чувствую горячую руку на своей щиколотке под тканью скатерти. Мой взгляд резко мечется к Мирону. Тот невозмутимо смотрит на меня. Локтем одной руки он уперся в стол и перемешивает лед в своем стакане с виски. А вторая... скрыта под скатертью. И она... обхватывает мою тонкую щиколотку. Потом он ослабляет хватку, но не убирает свою наглую лапу. Большим пальцем поглаживает нежную кожу под тонким чулком. Это место сразу же покрывается мурашками, как и мой затылок.

Я прикидываю, стоит ли устраивать скандал. Но, словно желая самую себя помучить, я молча судорожно вздыхаю и возвращаю взгляд на карты.

Мы с Аллой продолжаем играть. Сестра смеется, видя, что ее участь предрешена. Но она до последнего борется за победу, а я чувствую, что мне становится жарче, потому что, не получив сопротивления, рука ползет выше под подол моего вечернего платья.

Надо остановить это.

Немедленно.

- Ты победила! - восклицает Алла и бросает оставшиеся карты на стол. - Мне стоит прекратить играть в карты. Я в них безнадежна!

- Малыш, ну не расстраивайся так, - подбадривает ее Антон.

Я кладу свои карты и впиваюсь взглядом в Мирона. В его глазах пляшут все черти ада. Беру свой бокал с красным вином.

- С вашего позволения, я устала и хочу подняться к себе.

Встаю, буквально стряхивая его руку с моей ноги. Кожа там уже все равно выжжена и поплавилась от его прикосновений.

- Не рановато? - спрашивает Алла.

- Я провожу вас, - вызывается Мирон, а мне хочется зарорать во весь голос.

- Спасибо, я справлюсь, - выдаю в ответ на предложение хозяина замка.

- Я настаиваю. Мои гости довольно часто теряются в этих коридорах.

- Я запомнила дорогу.

- Иванна, ну что ты артачишься? - встревает мой муж, и мне хочется запустить в него чем-нибудь.

- Может, сам проводишь? - парирую я.

- Иванна, - шипит Роман и стреляет глазами в сторону выхода из комнаты.

Я ставлю на стол бокал с большим усердием, чем это требуется, и ножка откалывается. Бокал падает, и вино растекается по зеленому полотну.

- Простите, - выпаливаю и, развернувшись, тороплюсь

прочь из комнаты.

Я слышу его шаги за спиной. Каждой клеточкой тела чувствую присутствие. Но уже ничего не говорю, все равно бесполезно.

Как только мы выходим, Мирон отдает распоряжение стоящим в коридоре официантам:

- Там вино пролилось, наведите порядок.

Они молча заходят в комнату, а я быстрым шагом преодолеваю коридор, просторный холл и поднимаюсь по ступенькам наверх.

- Я мечтал услышать этот звук, - говорит Мирон, идущий сразу за мной. Я молчу. Мне до жути интересно узнать, какой звук он имел в виду, но будь я проклята, если задам вопрос. - Цокот твоих каблучков по паркету. Твое частое дыхание. Голос.

Я фыркаю, но ничего не отвечаю. Мне буквально придется сжать губы в тонкую линию, чтобы не проронить ни слова. Но на верхней ступеньке я не выдерживаю и резко разворачиваюсь лицом к Мирону. Он не ожидал, что я так сделаю, поэтому тормозит слишком близко. Настолько, что я чувствую исходящий от него жар.

- Ты вернулся слишком поздно, - заявляю. - Ничего уже не изменить. Я замужем и собираюсь родить мужу ребенка, - вру. - Так что все эти твои ухищрения уже ни к чему. Я больше тебя не люблю, - последнее предложение произношу особенно четко, чтобы у Мирона не осталось никаких со-

мнений.

Но ему, кажется, плевать на все мои аргументы, потому что его лапища ложится на мою талию, и он жестко впечатывает меня в свое тело. Его взгляд становится острее, и от него по моему телу проходит дрожь.

- Ты всегда была моей, Пчелка. И всегда будешь. Поздно, говоришь? Замужем? И мужа, наверное, любишь?

- Люблю, - отрезаю.

- Врать ты так и не научилась. По крайней мере, не мне. Я знаю всю твою микромимику. Когда ты обманываешь, у тебя легонько дергается кончик носа. Это незаметно для человека, который не знает тебя настолько хорошо, как я. А что касается мужа, так я могу сделать так, что ты снова будешь свободна.

- Я не разведусь с Романом, - выдаю максимально жестко, чтобы он не питал пустых иллюзий.

- А кто говорит о разводе? Есть и другие способы освободить женщину от уз брака.

От его невысказанного обещания кровь стынет в жилах. Единственный вариант без развода - это стать вдовой. Как бы я ни относилась к Роману, смерти ему я точно не желаю. А судя по решительности в глазах Мирона, он с легкостью пойдет на это. Потому что этот псих, кажется, мной одержим.

Пугает ли меня это? До дрожи в коленях. Но в то же самое время во мне как будто просыпается та самая темная сторона, о которой говорил Владимир у конюшни. Та, которая

возбуждается от того, что имеет настолько мощное влияние на могущественного мужчину.

- Ты не посмеешь, - шиплю я, снова выбирая светлую сторону, и упираюсь ладонями в его грудь.

- О, еще как посмею, Пчелка, - цинично усмехается Мирон. - Помнишь, я когда-то сказал, что мы будем вместе? Я не забыл своего обещания, а их, как ты знаешь, я привык выполнять.

- Не прикасайся ко мне, - рычу я. - Чудовище!

Толкаю его в грудь, но он дергает меня на себя, и в этот момент я теряю равновесие, практически вырываюсь из объятий Мирона и лечу вниз...

Глава 10

Не знаю как, но мне удастся ухватиться за перила. Нога подворачивается, и лодыжку простреливает. Мирон хватается за талию и резко впечатывает в свое тело, не давая упасть. Сердце колотится так, что пробивает грудную клетку, и я спиной чувствую вибрацию стука сердца Мирона.

- Бля, Пчелка, - выдыхает он и, подхватив меня на руки, несет вверх по лестнице, а потом напрямик в мою комнату.

Глаза наполняются слезами от боли. И от ненависти. Я смотрю на крепко сжатые челюсти Мирона и хочу прибить его за то, что он вообще существует!

- Из-за тебя я чуть не упала с лестницы, - цежу со злостью.
- Я могла умереть.

- Не могла, - отзывается он стальным тоном. - Я бы не дал.

- Ты уже дал! - рявкаю я, когда он заносит меня в спальню.

- Что? О чем ты говоришь?

- Поставь меня!

- У тебя вывих лодыжки.

- Поставь, я сказала.

- Нет! - рычит он и бережно укладывает меня на кровать.

Как только нога касается матраса, я подвываю от нового болезненного спазма. - Не двигайся. Сейчас привезем врача.

- Мне не нужен врач! Мне нужно домой, слышал? Я хочу домой. Подальше от тебя и твоего чертового замка! Это гре-

баная клетка, в которой я не собираюсь... - Мирон скрывается за дверью, умудрившись хлопнуть ею, хотя она огромная и очень тяжелая. - Оставаться, - заканчиваю, а потом начинаю плакать, размазывая тушь по щекам. - Ненавижу-у-у, - подвываю, желая оказаться сейчас на краю земли.

Зачем он вернулся? Я уже привыкла жить без него. Приняла мысль о его смерти. Смирилась с тем, что он меня предал. А он... этот чертов замок, конюшня, гребаные орхидеи...

Ненавижу!

Успокаиваюсь я минут через сорок. Нога пульсирует все сильнее, но теперь еще и голова болит, а вдобавок щиплет глаза.

Когда раздается стук в дверь, я его едва различаю.

- Да!

Дверь приоткрывается, и в спальню проскальзывает одна из горничных.

- Иванна Павловна, Мирон Данилович просил передать, что врач уже в пути. Давайте я помогу вам переодеться и смыть косметику. Она... поплыла.

- Проваливай, - рявкаю, хоть и понимаю, что девушка ни в чем не виновата.

Вопреки моему приказу она подходит ближе и спокойно смотрит на меня.

- Иванна Павловна, я знаю, что у вас с хозяином проблемы, но позвольте мне помочь в такой мелочи. Скорее всего,

врач заставит вас ближайшие пару часов лежать без движения со льдом на щиколотке. В платье может быть холодно и неудобно. Мы переоденем вас в удобную пижаму, смоём косметику, и сразу после обезболивающего укола вы сможете заснуть.

Я смотрю на нее, а потом вздыхаю и киваю.

- Вы правы, - выдаю хриплым от слез голосом. - Простите, что сорвалась.

- Ничего страшного, - она улыбается. - Вам больно, и я понимаю, что сейчас не до выбора слов. Я за пижамой.

Девушка, которую зовут Марина, помогает мне переодеться. Я изо всех сил держусь, чтобы не расплакаться от досады и боли. Потом она укладывает меня в кровать и приносит все необходимое для умывания. Бережно снимает макияж, а потом с помощью теплых влажных полотенец помогает умыться. Мне действительно становится намного легче.

Как только Марина уносит все в ванную, в комнату заходят Мирон, мой муж и врач - мужчина лет шестидесяти со смешными очками, держащимися на самом кончике носа. Он не говорит на русском, поэтому Мирон переводит с немецкого. Это действительно вывих, и мне положен многодневный покой. Мне ставят обезболивающий укол, кладут на ногу ледяной компресс, и доктор уходит в сопровождении Марины.

- Я хочу домой, - заявляю, глядя на Романа. Мирона изо всех сил игнорирую.

- Нет, - отрезает мой муж. - Мы просто немного дольше злоупотребим гостеприимством Мирона, если он не возражает.

- Что вы, я буду счастлив, - на лице этого дьявола снова появляется улыбка, а я понимаю, что с Романом сейчас говорить бесполезно. Утром потребуую отвезти меня. А сам пусть хоть женится на чертовом Мироне!

- Выйдите. Оба, - цежу сквозь зубы.

- Дорогая, я зайду утром, - говорит Рома.

- Поправляйтесь, Иванна, - вставляет Мирон, и я наконец остаюсь в спальне одна.

Пульсация в ноге постепенно стихает, обезболивающее начинает действовать, и меня клонит в сон. Но перед тем, как закрыть глаза, я принимаю твердое решение завтра же свалить из этого места. Что я, такси в чужой стране не вызову или билет на самолет не куплю? И плевать на поврежденную ногу. Я доползу до аэропорта и на четвереньках заберусь на борт.

Ночью мне кажется, будто я чувствую, как с ноги убирают пакет с растаявшим льдом, и мне становится легче. Я делаю глубокий вдох. Хочу открыть глаза и что-то сказать, но вместо этого только негромко стону.

- Спи сладко, моя Пчелка, - шепчет мужской голос, от которого я покрываюсь мурашками.

А потом чувствую прикосновение теплых губ, но все так же не могу открыть глаза. Наверное, все это мне снится. Я

даже не понимаю, кто мог бы сказать мне такое, просто снова погружаюсь в сон.

Утром просыпаюсь довольно отдохнувшей. Нога немного саднит, но я думала, будет похуже. Сажусь на кровати и беру с ночного столика свой телефон. Даже не помню, как положила его туда. Время десять утра. Прислушиваюсь, в замке тишина. Вспоминаю данное себе ночью обещание уйти отсюда. Надо вставать и собраться. Насколько бы ни была привлекательной идея остаться в теплой постели, мне надо бежать, иначе живой я отсюда не выберусь.

Спустив ноги с кровати, морщусь от того, как несильно, но неприятно простреливает в щиколотке. Она слегка опухла, но не критично. Встав, ковыляю в ванную. Непроизвольно ахаю и стараюсь не наступать на больную ногу. Воспользовавшись туалетом, принимаю душ, а потом чищу зубы. Одеваюсь сразу в белые брюки палаццо, рубашку цвета пыльной розы, на ноги натягиваю лоферы. Бросаю в сумочку телефон, проверяю кошелек с документами. Как только разворачиваюсь лицом к выходу, дверь открывается, и Марина закатывает столик с завтраком. Она замирает, видя меня в полной готовности.

- Доброе утро, - произносит тем же мягким тоном, каким разговаривала со мной вчера. - Хозяин сказал принести вам завтрак.

- Я не голодна, - отрезаю. - И я ухожу. Где мой муж?

- Так это... Он заглядывал к вам, но вы спали. Рано утром

все уехали на охоту.

- Тогда позовите мою сестру, пусть поможет мне спуститься по лестнице.

- Боюсь, она уехала со всеми. Они все уехали, - она делает акцент на слове “все”, давая понять, что все - это вообще все.

- То есть... я осталась одна в замке? - спрашиваю.

- Ну, да. И еще персонал. Но мы вас не побеспокоим, - добавляет Марина быстро.

- Вот и отлично. Вызовите мне, пожалуйста, такси до аэропорта.

- Такси? Вы куда-то собрались? Вам же положен покой.

- Дома отдохну. Ну? Вы такси вызовете?

- Э-э-э... ну, да, конечно. Только оно едет долго. Присядьте пока позавтракайте, а как машина будет подъезжать, я помогу спуститься.

Я несколько секунд с недоверием сверлю лицо Марины, но она продолжает смотреть на меня так же спокойно, так что я решаю и в самом деле позавтракать. Сажусь за столик, Марина подкатывает тот, на котором мой завтрак, и выставляет все это передо мной. Забирает столик и закрывает дверь. А потом я слышу какой-то щелчок, похожий на звук закрывающегося замка. Затаив дыхание, смотрю на дверь, но потом расслабляюсь. Не станет же она запирать меня тут, правда? Я свободный человек.

Только вот Марины долго нет. После завтрака я поднимаюсь и ковыляю до двери. Дергаю за ручку, но та действи-

тельно оказывается заперта. Обследовав ручку, замечаю, что внутреннего замка здесь нет, и она запирается на ключ с обеих сторон.

Психанув, бью по двери ладонью.

- Выпустите меня отсюда немедленно!

Глава 11

Я мечусь по комнате. Ну как мечусь? Скачу на одной ноге, спотыкаюсь, шиплю и стону от боли. Хватаю телефон и пытаюсь дозвониться хоть куда-нибудь, но... связи нет! Чертовой связи нет!

Я падаю на кровать и шумно вздыхаю.

Он всегда был таким ужасным?

Мне приходится признать, что да, всегда. Мирон всегда получал то, что хотел.

Закрываю глаза, и за закрытыми веками всплывает воспоминание шестилетней давности...

Я сбегая по ступенькам, а в спину слышу наставления матери, что девушки так не делают, они ходят спокойно. Я замедляюсь, но с долей злорадства думаю о том, что слава богу, она хоть не заплетающимся языком это говорит. Похоже, по мнению моей матери, леди вполне себе могут всасывать пару коктейлей за завтраком. Видимо, чтобы игра в теннис была зазорнее.

Подхожу к машине, и внезапно передо мной встает красивый парень, одетый в черную рубашку и такого же цвета брюки. Волосы черные, как смоль, глаза скрыты за темными стеклами "Рэй Бэнов". Мышцы бугрятся под черной рубашкой. Он распахивает дверцу отцовского джипа.

- Доброе утро, Иванна, - произносит таким глубоким го-

лосом, что я даже зависаю. Всего на мгновение. Меня же научили не церемониться с прислугой. А это, похоже, новый водитель папы.

Хмыкнув, забираюсь в прохладный кожаный салон. Теннисная юбка немного задирается, демонстрируя край коротких шорт, и я чувствую, как взгляд этого наглеца скользит по моей ноге. Не знаю, что мной движет, но я плавно веду пальцами по ноге, слишком медленно поправляя подол юбки.

- Не играй с огнем, - произносит он настолько тихо, что может показаться, будто это легкий майский ветер доносит до меня слова.

Сразу после этого дверца захлопывается, и он открывает противоположную для моей мамы.

- Новенький? - спрашивает она.

- Да, мадам, - отвечает он, а я закатываю глаза. "Мадам". Маму сейчас разорвет на британский флаг от обращения, подчеркивающего ее возраст. Но она на удивление растягивается в улыбке. Что, коктейлей было три? - Мирон.

- Какое необычное имя, - шепчет она, а я хмурюсь.

Мама флиртует с водителем? Серьезно, блин?!

- Ну мы поедем уже? - раздраженно бросаю я.

- Ты какая-то нервная с утра, - выдает мама, наконец усаживая свою костлявую задницу на сиденье.

Мирон захлопывает дверцу и занимает водительское ме-

сто.

- Охрана с нами не поедет? - задает мама вопрос, когда водитель заводит двигатель.

- Со мной она вам не понадобится, - отвечает он спокойно, и мы выезжаем со двора.

Всю дорогу я украдкой поглядываю на его мужественный профиль. На ровную линию носа, острые скулы, поросшие темной щетиной, немного небрежную стрижку, как будто он пять минут назад взъерошил шелковистые волосы пальцами. Приходится признать, что этот парень выглядит, как чистый секс. Но только себе в этом признаться. Ни за что я не произнесу подобное вслух.

В загородном клубе я сразу замечаю свою приятельницу Аню, и мы с ней торопимся к теннисному корту. Мама все равно свалит с подругами в бар, играть она не станет.

Мы с Аней занимаем свободный корт и начинаем играть, но я постоянно сбиваюсь и отбиваю мяч хуже обычного. Минут через двадцать понимаю причину. Водитель смотрит на меня, стоя чуть поодаль за оградением. Он прижался плечом к колонне и потягивает что-то из белой чашки, не сводя с меня глаз за темными очками. Я уверена, что смотрит он прямо на меня.

По телу пробегает волна неконтролируемой дрожи, а внизу живота как будто что-то шевелится. Я делаю судорожный вдох, пропуская еще один мяч.

- Иванна, блин! - выкрикивает Аня. - Ты чего сегодня та-

кая вялая?

Встряхиваю плечами, чтобы взять себя в руки и обещаю себе не думать о наглом взгляде Мирона. Еще не хватало заинтересоваться водителем. У папы их было три за всю мою жизнь. А охранников всяких - не перечесть. Часть из них красивые молодые мужчины. Но у меня и мысли никогда не возникало...

После игры мы с Аней отправляемся в душ, на парный массаж, а потом, переодевшись, до вечера тусуемся в своей компании. Вечером договариваемся встретиться в клубе, и мы с мамой едем домой. Она практически в отрубле после кучи коктейлей и скудного обеда с ужином.

Дома я привожу себя в порядок, надеваю кожаные штаны с высокой талией, белую блузку без рукавов и, прихватив сумочку, спускаюсь вниз. Мама давно спит, дверь в папин кабинет приоткрыта.

- Я в клуб, - объявляю, заглянув к нему.
- Мирон тебя отвезет.
- Пап, я без твоих громил справлюсь.
- Он уже ждет у крыльца. Будь осторожна.

Закатив глаза, выхожу на улицу, где перед крыльцом и правда стоит машина, а на нее бедрами облокотился этот Мирон. Теперь он без очков, что понятно, учитывая, что на улице уже темно. Окидывает меня таким взглядом, что я чувствую, как тело вспыхивает до красных ногтей на ногах. На его лице появляется кривоватая ухмылка, и Мирон рас-

пахивает для меня дверь.

- Карета подана.

Он произносит это таким голосом, что мне кажется, будто я стою перед ним голая.

Ох-ох, не нравится мне эта реакция на нового водителя папы. Ох, не нравится.

Не замечаю, как засыпаю, погрузившись в воспоминания.

Вздрагиваю, когда слышу шаги за дверью.

Вскочив на ноги, бросаюсь к выходу. Врезаюсь в деревянное полотно и начинаю лупить по нему ладонями. Лодыжка пульсирует, но сейчас это самое меньшее, на что стоит обращать внимание.

- Открой немедленно! - кричу, срывая голос.

Меня аж трясет всю. Не от страха, совсем нет, Мирон ничего мне не сделает. Плохого точно нет. Хотя кто знает, как он изменился за эти пять лет?

Сволочь!

Ненавижу!

Сначала бросил меня, а теперь считает, что может просто прийти и забрать меня у мужа!

Где он был, когда я, умываясь слезами, шла к алтарю?!

Когда всю церемонию сжимала цветы так, что шипы от роз впивались в пальцы до крови, и постоянно выискивала его глазами?

Надеялась. Ждала, что он придет и спасет меня от этой

участи.

Но он не пришел. И я поклялась ненавидеть его всю оставшуюся жизнь.

Я выбросила его из головы. Сделала вид, что Мирона никогда не было. Смирилась, научилась жить с мужем.

А теперь он явился и заявляет свои права на меня.

- Выпусти меня! - кричу, снова и снова долбя в дверь.

Замолкаю и прислушиваюсь. Тишина. Шагов больше не слышно.

Но я знаю, что он где-то там, в своем мрачном замке. Слышит мою истерику и наслаждается ей. Напитывается моими эмоциями, словно долбаный вампир.

Ненавижу!

Псих! Вот кем он стал!

И как все провернул. Ловко и так быстро, что никто даже не заподозрил, что у этого чудовища настолько далекоидущие планы.

А мой муж? Идиот. Клянусь, просто идиот. Ненавижу и его! Так легко повестись на провокации Мирона. Вытащить нас в этот гребаный замок. Хоть бы проверил, кто такой его новый деловой партнер. Хоть бы с отцом моим посоветовался. Тот бы быстро вычислил, кто такой Мирон Князев. Он ведь знает его, сам нанимал. Он бы уберег Романа от необдуманного поступка.

И что теперь? К чему это привело?

Я сижу в роскошной комнате старого средневекового зам-

ка. Заперта на сто замков, без возможности выйти отсюда или даже позвать на помощь. Позвать-то я могу, но толку? Никто не придет. Никто не освободит меня. Потому что с этим чудовищем никто не захочет связываться. Тем более, мой муж.

Развернувшись, иду к большому окну, сквозь которое в комнату проникает лунный свет. Голубоватый и настолько яркий, что кажется, будто луна вот-вот распахнет створки и войдет прямо в комнату.

Я могла бы разбить окно и попробовать выбраться на улицу. Но какой в этом толк? Вся территория вокруг замка надежно охраняется громилами Мирона. Если я не сверну себе шею, спускаясь по стене, меня все равно схватят внизу и передадут ему.

Упершись ладонями в холодный каменный подоконник, изучаю происходящее на улице. Там все спокойно, как будто здесь, в этой комнате, не рушится чья-то жизнь.

Снова шаги. Резко разворачиваюсь и мечусь взглядом по комнате в поисках какого-нибудь оружия. Это он идет, я чувствую. Знаю, что он.

Схватив вазу, подбегаю к двери и встаю за ней в ожидании, пока Мирон зайдет.

Щелчок замка заставляет меня вздрогнуть. Нервы натягиваются до предела, а сердце подскакивает к горлу.

Дверь распахивается и... тишина. А потом из-за нее резко появляется Мирон и выбивает вазу из моих рук. Она с гро-

хотом летит на пол и разбивается на тысячи осколков. Мирон хватается меня за горло и впечатывает спиной в каменную стену. На его лице появляется звериный оскал, и он прошивает меня взглядом до самых косточек.

- Решила со мной повоевать, пчелка? Давай повоюем, - предлагает он своим низким, бархатным голосом, от которого по всему телу пробегают мурашки.

Глава 12

- Ты, - шиплю я, хватаясь за его запястье, напрягшееся от того, с какой силой он удерживает меня, пришпилив к стене, словно насекомое - к подушечке. - Ты чудовище. Чертово чудовище. Задушишь меня? Если я не твоя, то не должна достаться никому? Такова твоя гребаная логика?!

- Ты, как всегда, остра на язык, - усмехается он. Только улыбка его похожа на оскал дикого животного, которое вот-вот набросится на меня и разорвет на части. - Жалишь беспощадно. Но ты ошиблась, моя маленькая. Ты принадлежишь мне. И всегда принадлежала.

- Я задолбалась слушать, как ты повторяешь это. - И тут мне в голову приходит мысль, что я ведь могу его сейчас уязвить настолько, что он сам захочет меня отпустить. - Я не принадлежу тебе. Я принадлежу мужу. - Делаю глубокий вдох, и взгляд становится максимально надменным. - Я не сплю с прислугой. И никогда не буду с кем-то, кто ниже меня по положению.

- Мимо, Пчелка. Ты уже с ним была и спала. Забыла? Не забыла...

Никогда не забуду.

В ту ночь он, как всегда, пробрался в мою спальню с наушниками. Мы по привычке сели под окном.

- Я нашел для тебя новую музыку, - тихо сказал Мирон.

*Его красивый голос оттенял щебет ночных птиц за окном.
- Тебе понравится.*

Он бережно вставил наушники в мои уши, потом пошаманил в своем телефоне, и полилась красивая, чувственная мелодия. Она переворачивала мои внутренности, заставляла сердце то останавливаться, то биться чаще.

А потом я ощутила его губы на своей шее. Горячее дыхание, расслабленный язык, скользящий по чувствительной, покрытой мурашками коже. Глаза закрылись, изо рта вырвался тихий стон, и я впилась пальцами в его футболку. Притянула ближе, заглянула в его темные глаза и... с этой ночи моя жизнь уже не была прежней.

- Вспоминаешь, да? - выдает он своим бархатным голосом, который за эти пять лет стал еще соблазнительнее, обретая уверенные нотки и легкую хрипотцу, от которой по телу бегут мурашки.

Я моргаю, прогоняя туман воспоминаний. Но он как будто и не хочет уходить. По телу разливается тепло, между ног сжимается, а грудь, к которой прижимается Мирон, наливается тяжестью. Я чувствую его возбуждение, упирающееся в мое бедро.

- Я ничего не забыл, - произносит он тише и проводит носом по моей щеке, шумно вдыхая. - Знаешь, что напоминает мне этот парфюм? Запах твоего возбуждения. Он смешивается с острыми нотками, сладостью поля, в котором мы с тобой занимались сексом на покрывале, и кислинкой лимо-

нада, который ты так любила пить летом.

- Отпусти меня, - прошу дрожащим голосом. - Прошу тебя. Всего этого не вернуть. Я замужем. Счастлива. Муж... он занимается со мной сексом.

Мирон отстраняется. На его лице ни тени улыбки, ни намека на нежность, с которой он только что рассказывал о парфюме. Нет. Сейчас на нем читаются только ярость и желание убивать. По лицу Князева пробегает мрачная тень.

- Ты провоцируешь меня, Пчелка, - выдает он сиплым голосом, как будто едва сдерживается от крика. - Хочешь, чтобы я убил его? Один мой звонок, и с этой охоты он не вернется. Кого еще убить? Всех, кто сейчас в лесном домике на охоте? Я сделаю это. Повтори еще раз, как твой муж тебя трахает, и клянусь, Иванна, больше никого из них ты не увидишь.

- Ты не сделаешь этого.

- Правда? Испытай меня. Просто повтори свои слова. А еще лучше опиши, как он это делает, и как ты кончаешь под ним, и, клянусь, пиздец наступит всем. Я лично брошу взрывчатку в этот домик. Ну? Хочешь еще поиграть со мной в эти игры?

Я жду, что он как-то даст понять, что просто забавляется со мной, как кошка с мышью, но нет. Выражение лица Мирона предельно серьезное. Он смотрит на меня, не моргая, безумным взглядом.

- Ты больной ублюдок, - цежу я.

Его лицо немного расслабляется, выдавая уже знакомую дьявольскую улыбку.

- Ты это только поняла? И до сих пор не догадалась, почему тот мажорик закончил в инвалидном кресле? - Он хмыкает, а у меня волосы встают дыбом. - Вспомни, что я обещал тебе после того, как этот урод чуть не изнасиловал тебя. - Я моргаю, не в силах поверить в то, что слышу. - Ну же, Пчелка, у тебя ведь отличная память. Давай.

Сердце колотится все быстрее. Я вытеснила из памяти тот чертов эпизод моего унижения и страха. Но сцена в беседке, где я сидела с Мироном, захлебываясь слезами, всплывает вдруг как наяву. И его слова... Обещание, которое он дал мне... Оно тоже звучит в голове так четко, словно было произнесено вчера.

- Я всегда буду убеждаться, что ты счастлива. И каждый ублюдок, который решит этому помешать, будет наказан. Обещаю тебе, Пчелка.

Мирон повторяет эти слова, и я вздрагиваю от каждого, как от пощечины.

Преподаватель, который истязал меня целый семестр, бесследно пропал. Как и охранник, который пытался заигрывать со мной. Илья Максимов, который попытался изнасиловать меня в клубе, внезапно упал с вышки в бассейне. Он был пловцом. Только на этот раз он полетел не в воду, а на край бассейна.

- О, господи, - выдыхаю, с ужасом глядя на Мирона.

- Зови меня просто “любимый”.

- Ты точно чудовище! - восклицаю я.

- О, маленькая, тебе это не мешало радоваться инвалидности того уroda, - усмехается он и сближает наши лица, обдавая мои губы горячим дыханием. - Потому что внутри ты такое же чудовище, как и я.

- Нет! Я не такая!

Начинаю брыкаться и драться с ним, но Мирон не отпускает мою шею, только отбивается второй рукой, чтобы я не расцарапала его лицо и не стерла самодовольную ухмылку.

- Ненавидишь меня, да? - спрашивает он и улыбается шире.

- Да! Ненавижу! Люто ненавижу!

- От ненависти до любви, малыш, дорога короткая.

- Никогда, слышал?! Никогда я не буду любить монстра!

Он подается вперед и запечатывает мой рот своими губами. По щекам начинают катиться горячие слезы, а настойчивый язык врывается внутрь и сталкивается с моим.

Ненавижу! Не-на-вижу!

Глава 13

В голове вспышками воспоминания...

Его руки на моем теле. Они гладят, ласкают, сжимают.

Тихий шепот на ухо...

- Я буду нежен. Обещаю, Пчелка, я сделаю все, чтобы тебе было не больно. Заберу всю твою боль. Зацелую каждую ранку. Запечатаю своим языком. Ничего не бойся. Не рядом со мной.

Я стонала под его настойчивыми ласками.

Выгибалась дугой, подставляясь под его горячий рот и жадные руки.

Сходила с ума от его жаркого шепота и обещаний вечности.

Я сгорала под ним, чтобы возродиться и снова вспыхнуть.

Мне было больно. Но он, как и обещал, зацеловал каждый саднящий сантиметр, заговорил своим колдовским шепотом все ранки, слизал слезы с моих щек.

Он был нежен. И я доверяла всем сердцем. Верила, любила так, как никогда в жизни. На разрыв. До остановки дыхания. До дрожи во всем теле.

Я чертовски сильно любила. Никого и никогда ни до, ни после я не любила так сильно.

А тот эпизод в поле...

Мирон вез меня из загородного клуба. Уставшую, но довольную. В тот день были соревнования по теннису, и я везла домой кубок.

- Я горжусь тобой, - сказал он, сжимая мою лежащую на его бедре руку. - Ты красиво играла. Но твоя взлетающая юбочка постоянно меня отвлекала.

- Ты не туда смотрел, - хихикнула я.

- Я смотрел на тебя. Мне было плевать на игру. Я любовался самой красивой девочкой на свете. И хотел, чтобы ты победила. Потому что моя Пчелка заслуживает победы, как никто другой.

Его слова и прожигающий взгляд что-то такое пробуждали во мне... Открывали сторону, которую я сама не знала. Немного темную, какую-то запретную. Все, что касалось Мирона было таковым. И мне это, черт подери, нравилось.

- Останови машину, - потребовала я.

- Что? - усмехнулся он.

- Если ты прямо сейчас не остановишься, я...

Не стала объяснять. Просто начала расстегивать пуговицы на своем бледно-желтом платье с нежными мелкими розовыми цветочками. Чем больше оголялась моя грудь, тем темнее становился взгляд Мирона.

- Ты что творишь, Пчелка? - спросил он севшим голосом.

- Остановишь? Или...

Я поставила на переднюю панель ноги в босоножках на

высоких каблучках. Стащила по ним кружевные трусики, а потом развела колени и нырнула пальцами во влагу. Даже сквозь музыку я слышала, как шумно втянул воздух Мирон. Потом выругался и свернул с дороги в поле, поросшее цветами.

- Ты знаешь, что можешь поплатиться за это, - прорычал он.

- Может, именно этого я и хочу, - отозвалась и застонала, когда пальцы коснулись чувствительной кнопки между ног.

Машина резко тормознула на краю поля. Мирон вышел из нее, схватил плед из багажника, а потом распахнул мою дверцу. Я перевела на него затуманенный желанием взгляд. Он походил на самого дьявола. Возбужденный, злющий, готовый убивать и... трахаться.

Схватив меня поперек талии, Мирон закинул меня на плечо и пошел в поле. Отойдя от машины метров десять, он бросил на землю плед, потом поставил меня на ноги, расправил вещицу на траве и бережно уложил меня на плед. Это было последним нежным жестом с его стороны. Дальше от моих криков разбегались насекомые и разлетались птицы, а дома я не могла говорить, потому что сорвала голос.

Тогда впервые я осознала, какими будут последствия, если провоцировать Мирона. И теперь не только он мог манипулировать мной, но и я - им.

В следующий раз, осознав всю свою силу и власть, я вы-

шла утром на балкон в одной только тонкой ночной сорочке. Под ней не было ничего, и внимательный зритель без труда мог заметить это. Особенно если подул бы легкий ветерок, поднимающий подол этой сорочки.

Он был во дворе. Натурал джип до блеска полировочной тряпкой. Безупречный, как всегда. В черных брюках и такого же цвета рубашке. Пока вся охрана отца одевалась как военизированное подразделение без знаков отличия, Мирон щеголял в стильной одежде.

Он поднял голову. Ему хватило пары секунд, чтобы оценить ситуацию. Тело обдало жаром от его взгляда. Даже на расстоянии я видела, как крепко сжались его челюсти. Чувствовала вибрации ярости. Не видя его глаз, осознавала, что те испепелили меня до тла, воскресили, а потом еще пустили пулю в лоб из пистолета, висевшего у него подмышкой в кожаной черной кобуре.

Он молча положил тряпку на капот и пошел в дом, не сводя с меня взгляда. Скрывлся в нем, а я вернулась в комнату. Похихикала и, подняв руки, потянулась. Интересно, куда он пошел? Подрочить в туалете? Или отвлечься на серьезные разговоры с папой?

Но чего я точно не ожидала, так это того, что спустя несколько секунд дверь в мою спальню откроется, а потом я окажусь прижата к этой двери могучим телом, пока Мирон растягивает ширинку и вздергивает меня выше, чтобы ворваться до упора и жестко трахать, зажимая мой рот

рукой.

- Плохие девочки заслуживают наказания, - шептал он мне на ухо. - Я рисковал, придя сюда. Но я и до ада доберусь, если ты будешь там.

Я кусала губу, чтобы не закричать, пока он жесткими, резкими толчками врвался в меня, смешивая кипучий коктейль из боли и неземного удовольствия. Меня разрывало на части от переполненности его немаленьким размером. Голова совсем перестала соображать, а ноги покалывало от того, как яростно Мирон в меня врвался.

Не знаю, как он тогда выбрался незамеченным. Но уходя из спальни, Мирон окинул взглядом мои влажные от его удовольствия бедра и криво усмехнулся.

- Провоцируй и дальше, Пчелка. Но помни, для меня не существует запретов и границ. Я оттрахаю тебя на глазах всего дома, если ты еще раз покажешься на балконе в таком виде.

Это звучало ужасно. И я знала, что Мирон не шутил. Но что-то в этом хождении по острой грани заводило меня настолько, что я готова была послать мораль и здравый рассудок к черту, только бы быть с Мироном.

Из жарких воспоминаний меня вырывает наглая рука, расстегивающая ширинку на моих брюках.

- Ты отлично знаешь, - рычит Мирон, - что опять провоцируешь меня. Знаешь ведь, чем это заканчивается, Иванна. Знаешь, и все равно продолжаешь так делать.

Пальцы проскальзывают к самому чувствительному месту на моем теле, и из меня непроизвольно вырывается протяжный стон.

Глава 14

Его руки знают каждый миллиметр моего тела. Они знают, на какие кнопки давить, чтобы отключать мозговую деятельность.

Ладонь Мирона давно не на моей шее, но меня и не нужно удерживать. Я сама цепляюсь за него в попытке получить больше. Пульсация в ноге отходит на второй план, когда мы, склеившись, двигаемся по комнате. Ударяемся о комод. С него что-то летит на пол и разбивается вдребезги. Но мы не смотрим, что это, потому что нам обоим плевать.

Вкус его языка уже отравляет мою кровь. Его горячий шепот проникает в мозг. Прикосновения отпечатываются на коже клеймом, как и шесть лет назад.

Он опять делает это... Лишает меня воли. Полностью подавляет ее, заменяя окружающий мир одним собой. Вытесняет всех и все, заставляя концентрироваться только на нем и ощущениях, которые он мне дарит.

Я не просила этих чувств!

Я их ненавидела в себе!

Проклинала его и все, что с ним связано! Особенно ту часть меня, которую он во мне пробудил!

А сейчас... Что я, черт подери, творю?

Мне плевать на мужа и на мою честь. Ее слишком легко отмыть, если у тебя много денег. Но не плевать на то, в кого

я превращаюсь рядом с Мироном. Больше я не хочу такой быть! Я ведь только... Я совсем недавно окончательно попрощалась с этой частью и снова заперла ее под замок. Тяжелый, навесной, который не сорвать, как ни старайся.

А потом появился он... подцепил этот замок одним пальцем, и все мои демоны вырываются наружу.

Мои руки действуют самостоятельно. Я срываю с него пиджак, когда Мирон усаживает меня на столик для завтрака. Тот шатается подо мной, а где-то на полу валяются осколки посуды, из которой я ела.

Пытаюсь обнять его за талию, но нащупываю кобуру с пистолетом. Внутри меня как будто происходит вспышка. Я медленно вытаскиваю пистолет, а он как будто не замечает этого. Взвожу курок и... стреляю. От грохота Мирон вздрагивает и, развернувшись, закрывает меня своим телом. Он тяжело и быстро дышит, окидывая взглядом комнату.

А я перевожу дрожащую руку с оружием и утыкаюсь дулом между лопаток. Щелчок курка, и Мирон замирает.

- Пчелка, не играй в игры, которые тебе не по силам, - хрипло произносит он.

- Отошел на пять шагов к кровати, - приказываю не своим голосом. Он сиплый и какой-то... ледяной.

- Малыш, ты можешь пожалеть о своем поступке.

- На пять шагов! - рявкаю так, что сама вздрагиваю.

Мирон делает шаг. Хочет развернуться.

- Спиной ко мне! Лицом к кровати! Еще пять шагов! Нор-

мальных шагов, а не мелких!

Рука с пистолетом дрожит, и я хватаю рукоять второй. Чем дальше Мирон отходит, тем сильнее я вытягиваю руки. Отпускаю одну и быстро застегиваю ширинку на брюках. Спрыгиваю со стола на дрожащие ноги.

Черт, в голове до сих пор туман.

- Босс! - выкрикивает охранник от двери, и я перевожу на него пистолет. Потом опять на Мирона. Громила выхватывает свое оружие и наставляет его на меня.

- Ты че, блядь, попутал?! - ревет Мирон. - Ты на кого оружие наставляешь, урод?!

- Босс, но она же... - растерянно бормочет верзила.

- Опустил пушку и свалил!

- Так она убьет вас!

- Убьешь меня, Пчелка? - обращается ко мне Мирон, и его губы растягиваются в улыбке. - А вообще давай. Это лучшая из двух смертей. Вторая - умереть от оргазма в старости, пока ты объезжаешь меня. Но это идеальный сценарий. А этот - смерть от рук любимой, идеальной для меня женщины - не менее прекрасен.

Он разводит руки в стороны, как будто призывая меня нажать на спусковой крючок.

- Босс...

- Исчезни. И закрой дверь, - ледяным тоном отдает приказ Мирон, не сводя с меня взгляда. - Если хоть кто-то войдет сюда, я выхвачу у Иванны пистолет и положу каждого.

Я судорожно втягиваю в себя воздух, изо всех сил стараюсь игнорировать то, как меня возбуждает этот чертов дьявол. Даже когда угрожает людям. И когда ведет себя как беспринципное чудовище.

Дверь закрывается, но мы оба слышим приглушенные голоса в коридоре.

- Ну что, Пчелка? Будешь стрелять? Или будем трахаться?

- Никогда, - цежу. - Никогда я не лягу в твою постель. Все.

Это время закончилось. Отвали от меня и дай уйти.

- Никогда, - повторяет он за мной. - Ты моя. И всегда ею будешь. Ну же, признайся, пока мы целовались, ты вспоминала все, что я умею делать с твоим телом. Как я жестко наказывал тебя за проступки, а ты с радостью повторяла их, только бы я опять сорвался. Признайся честно, наша с тобой темная сторона тебе нравится больше, чем носить белую футболочку поло и попивать розовое шампанское. Ты хочешь, чтобы эта футболочка была разорвана на ошметки, и я поливал твою голую грудь тем самым шампанским.

Он делает шаг в мою сторону, а я дергаю руками, все еще удерживающими пистолет.

- Не подходи! - рявкаю, и Мирон притормаживает.

- Хочешь, чтобы я трахал тебя так, чтобы ты срывала горло. Потому что он этого не делает. Он вообще не спит с тобой, и я это точно знаю.

- Но спал!

- Это было давно, - усмехается Мирон и делает еще один

шаг.

- Стой на месте! Я выстрелю.

- Он ведь не знает, как удовлетворять мою Пчелку. Не знает, на какие кнопки жать. Не умеет пробуждать твою дикую, необузданную сторону.

А потом одновременно звучит два выстрела. Один из моего пистолета, а второй - от двери. Пуля прошивает мою руку, и я роняю оружие на пол, в ужасе глядя на то, как из ладони вытекает кровь. Хватаюсь здоровой рукой за запястье, не моргая, смотрю на то, во что превратилась моя рука, и не могу поверить, что это случилось.

- Сука-а-а! - орет Мирон.

Я поднимаю на него взгляд, но чувствую, как начинает кружиться голова. Он тоже ранен. И это сделала я. А кто прострелил мою руку? Перевожу невидящий взгляд на дверь, но в глазах окончательно темнеет, и ноги подкашиваются.

Последняя мысль, мелькнувшая в голове: “Я что, убила Мирона?”

И чертово сожаление, что сделала это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.